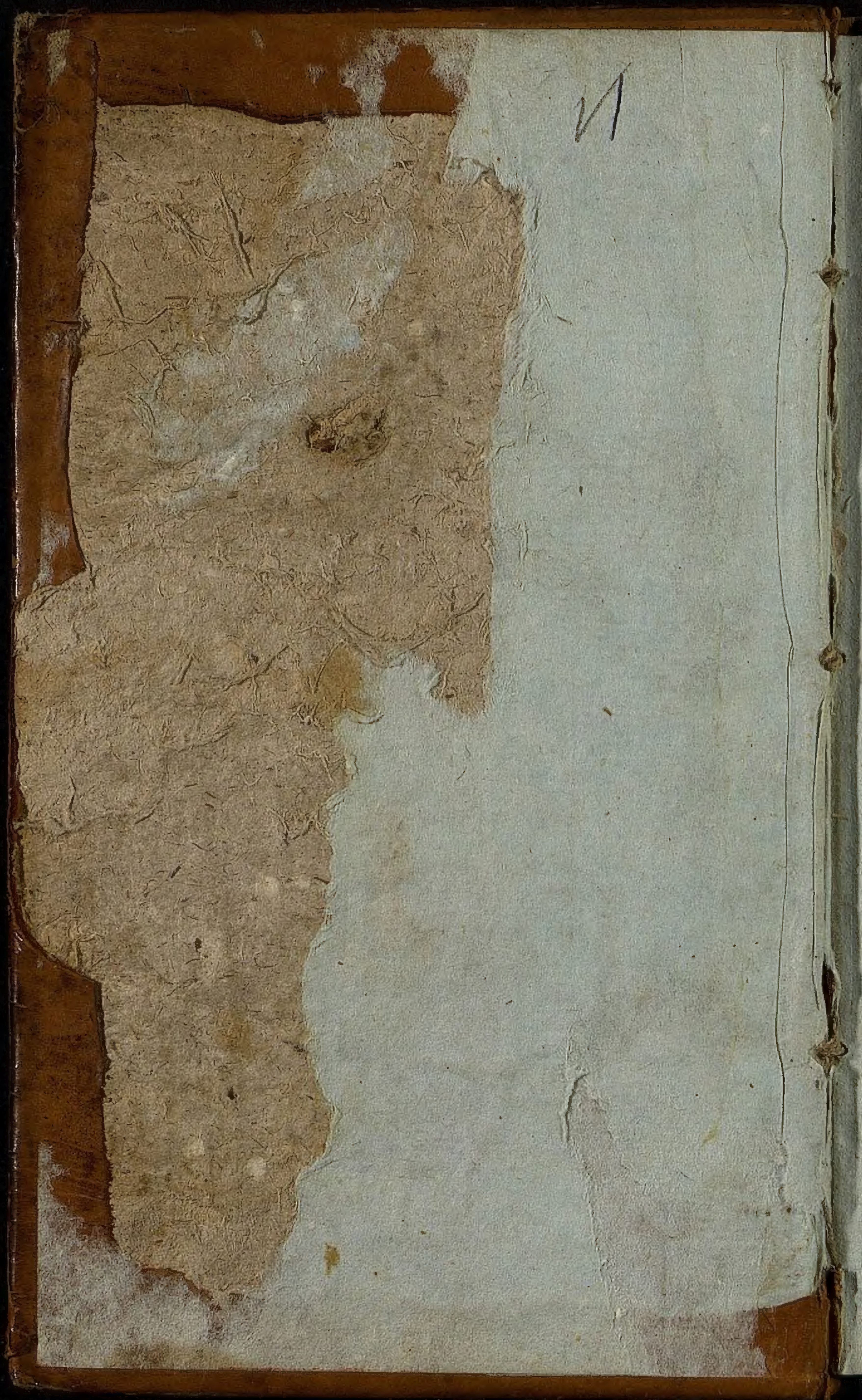

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

ЕКАТЕРИНѢ

ВТОРОЙ,

сочиненное

Николаемъ Карамзинымъ.

МОСКВА, 1802.

Въ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Попова.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ
АЛЕКСАНДРУ
ПЕРВОМУ,
САМОДЕРЖЦУ
ВСЕРОССІЙСКОМУ,

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

Авторъ.

Сограждане! дерзаю говорить о ЕКАТЕРИНѢ — и величіе предмета изумляетъ меня. Едва произнесъ Ея имя, и мнѣ кажется, что всѣ безчисленные народы царствъ Россійскихъ готовы внимать словамъ моимъ: ибо всѣ обожали Великую. И тѣ, которые, скрываясь во мракѣ отдаленія — подъ тѣнію снѣжнаго Кавказа, или за вѣчными льдами пустынной Сибири — никогда не зрѣли образа Безсмертныя, и тѣ чувствовали спасительное дѣйствіе Ея правленія; и для тѣхъ была Она Божествомъ, невидимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ Россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудрость.

Щастливые Ораторы, могущіе украсить и возвеличить дѣла

своихъ Героевъ! или вы, которые даромъ красноръчія воскрешаете темные подвиги древности! ваша доля завидна. Не скажутъ, что вы унизили предметъ свой. Кому судить васъ строго? Но мнѣ должно изобразить Монархиню, Которая Своимъ величіемъ удивила вселенную; мнѣ должно славить первую Героиню нашего времени, и въ присутствіи тѣхъ, для которыхъ слава Ея была щастіемъ. Она еще жива въ ихъ сердцѣ; Она еще и по смерти благотворитъ имъ! Черты мои должны казаться слабыми .... Но горе тому, кто, представляя себѣ ЕКАТЕРИНУ, можетъ думать о пользѣ своего ничтожнаго самолюбія! Благодарность, усердіе есть моя слава. И я жилъ подъ Ея скипетромъ! и я былъ щастливъ Ея правленіемъ! и буду говорить о Ней! Истина сильнѣе воображенія; чувство разительнѣе красноръчія — и ваше сердце, о Россіяне! возвыситъ

дѣйствіе моего слабаго таланта. — —

Зерцало вѣковъ, Исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго Рока: зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемѣны! какія чрезвычайныя происшествія! Но что болѣе всего плѣняетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, которыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы Неба, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшатъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли; творятъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ

только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подаютъ руку одинъ другому; и жизнь ихъ есть Исторія народовъ.

Сограждане! не только въ тѣни древнихъ отдаленныхъ временъ; не только среди песчаныхъ морей Африки, на поляхъ Марафонскихъ, подъ орлами державнаго Рима, видимъ такихъ избранныхъ и великихъ смертныхъ. О слава Россіи! подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ сіяли Петръ и ЕКАТЕРИНА! Они были *наши* — и любовь Всевышняго запечатлѣла Ихъ Своею печатію! *Они* другъ другу, на величественномъ театрѣ ихъ дѣйствій, подаютъ руку! . . . Такъ, ЕКАТЕРИНА явилась на престолѣ оживить, возвеличить твореніе Петра; въ Ея рукѣ снова расцвѣлъ изсохшій жезлъ Безсмертнаго, и священная Тѣнь

Его успокоилась въ поляхъ вѣчности: ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. ЕКАТЕРИНА Вторая въ силѣ творческаго духа и въ дѣятельной мудрости правленія была непосредственною преемницею Великаго Петра; раздѣляющее Ихъ пространство исчезаетъ въ Исторіи. И два ума, два характера, столь между собою различные, составляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для щастія народа Россійскаго! Чтобы *утвердить* славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ Его царствовать ЕКАТЕРИНА; чтобы *предуготовить* славу кроткой, человѣколюбивой, просвѣщенной ЕКАТЕРИНЫ, долженствовалъ царствовать Петръ: такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять

хладные остатки зимнихъ паровъ, что приготовить Натуру къ теплому вѣянію Зефировъ!

Чудесный Промыслъ Всевышняго, непостижимый для смертныхъ! Кто бы вздумалъ искать при одномъ изъ скромныхъ Княжескихъ Дворовъ Германіи, въ тихомъ семействѣ Ангальт-Цербстскаго Дома, — кто бы вздумалъ искать тамъ причины нашего благоденствія и славы народа Россійскаго? Какой Улиссъ могъ бы узнать сію новую Пирру въ Ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый Астрологъ, видя утреннюю зарю сего величества, предсказалъ бы въ ЕКАТЕРИНѢ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азіи? Казалось, что судьба опредѣлила Ей быть добродѣтельною супругою какого нибудь щастливаго Нѣмецкаго Князя. Моральныя, скромныя достоинства нѣжнаго пола были единственнымъ предметомъ

родителей при Ея воспитаніи. Часто, среди славы Ея царствованія, въ искреннихъ изліяніяхъ дружества (которымъ только великіе Монархи умѣютъ на тронѣ наслаждаться) Она съ Ангельскою улыбкою говорила достойнѣйшимъ изъ Своихъ подданныхъ: „Меня воспитывали для семей„ственной жизни: Провидѣніе от„крыло мнѣ науку царство„вать“..... Провидѣніе! такъ конечно: непосредственные дары Его производятъ все чрезвычайное въ мірѣ. Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно предаются внутреннему стремленію, подобно Сократу внимаютъ тайному Генію, ищутъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуютъ себя для онаго. Одна искра, и животворный огонь Прометеевъ пылаетъ; одна великая мысль, и великій умъ воскрилясь паритъ орломъ подъ облаками!

ЕКАТЕРИНА была извѣстна въ Германіи Своею красотою, разумомъ и скромною любезностію, когда Елисавета призвала Ее украсить Дворъ Россійскій. Вы, которые имѣли щастіе видѣть тогдашнюю цвѣтущую юность Ея, вы донынѣ говорите съ восторгомъ о первыхъ живыхъ чувствахъ удивленія, возбужденныхъ въ сердцѣ вашемъ Ангельскимъ видомъ Ея, рѣдкимъ соединеніемъ божественныхъ прелестей! Я зрѣлъ лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе. Она рождена была для Самодержавія. Кротость, пріятность ума, врожденное искусство плѣнять душу людей, единымъ словомъ, единымъ взоромъ, произвели всеобщую къ Ней любовь Двора. Онъ былъ училищемъ для ЕКАТЕРИНЫ, Которая имѣла выгоду примѣчать его волшебную игру, не будучи еще на тронѣ. Тутъ проницательный взоръ Ея открылъ

слабыя стороны человѣческаго сердца, опасности Царей, и хитрые способы, употребляемые лукавствомъ для ихъ обольщенія: открытіе важное для науки царствовать! Тутъ прочитала Она въ добрыхъ сердцахъ всѣ тайныя желанія истинныхъ сыновъ отечества; тихій гласъ Патріотовъ доходилъ до Ея нѣжнаго слуха … Они съ восторгомъ говорили о Петрѣ Великомъ и Его великихъ намѣреніяхъ. ЕКАТЕРИНА хотѣла узнать сего полубога Россіянъ, и всѣ дѣла, всѣ законы Его, вмѣстѣ съ древнѣйшими лѣтописями нашего государства, были предметомъ Ея живѣйшаго любопытства. Сего не довольно: славнѣйшіе иностранные Авторы и Философы, подобно благодѣтельнымъ Геніямъ, ежедневно украшали разумъ Ея новыми драгоцѣнностями мыслей; въ ихъ твореніяхъ (*)

(*) Родительница ЕКАТЕРИНЫ, знавъ любовь Ея ко чтенію книгъ, въ завѣщаніи своемъ отказала Ей свою библіо-

искала Она правилъ мудрой Политики, и часто, облокотясь священною рукою на безсмертныя страницы *Духа законовъ*, развивала въ умѣ Своемъ идеи о народномъ щастіи, предчувствуя, что Она Сама будетъ творцемъ онаго для обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ!... Воображая сію душевную дѣятельность, я вижу, кажется, предъ собою юнаго Алькида, который, въ тишинѣ собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои, готовится предпріять геройскіе подвиги.... Ахъ!

теку — сими словами: „Любезной моей Государынѣ Дщери Екатеринѣ „Алексѣевнѣ отдаю всю мою библіотеку, какъ здѣшнюю, такъ и Дорнебургскую, собранную мною нарочно „для Ея Высочества; ибо я знаю Ея „великую охоту ко чтенію. Всевышній „да поможетъ Ей украситься плодами „онаго, и да пріобрѣтетъ Государыня, „любезная Дщерь моя, всѣ добродѣтели, нужныя для Ея высокаго сана! „Чрезъ что исполнятся наши родительскія наставленія, прежде данныя Ея Высочеству.“

подвигЪ мудраго Царя есть самый труднѣйшій вЪ мірѣ!

И ЕКАТЕРИНА на тронѣ!... Уже на безсмертномЪ мраморѣ Исторіи изображенЪ сей незабвенный день для Россіи; удерживаю порывЪ моего сердца описать его величіе.... Красота вЪ образѣ воинственной Паллады!.. вокругЪ блестящіе ряды ГероевЪ; пламя усердія вЪ груди ихЪ!.. предЪ Нею священный ужасЪ и Геній Россіи!... Опираясь на Мужество, Богиня шествуетЪ — и Слава, гремя вЪ облакахЪ трубою, опускаетЪ на главу Ея вѣнокЪ лавровый!....

СЪ ЕКАТЕРИНОЮ возсѣли на престолЪ кроткая мудрость, божественная любовь ко славѣ (источникЪ всѣхЪ великихЪ дѣлЪ), неутомимая дѣятельность, знаніе человѣческаго сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе довершить начатое ПетромЪ, просвѣ-

тить народЪ, образовать Россію, утвердить ея щастіе на столпахЪ незыблемыхЪ, согласить всѢ части правленія, и купить безсмертіе дѢлами Матери Отечества. Сей обѢтЪ произнесла Монархиня во глубинѢ души Своей, и небесный СердцевидѢцЪ даровалЪ Ей силу для исполненія.

Сограждане! ЕКАТЕРИНА безсмертна Своими *побѢдами*, *мудрыми законами* и *благодѢтельными учрежденіями*; взорЪ нашЪ слѢдуетЪ за Нею на сихЪ *трехЪ* путяхЪ славы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сколь часто Поэзія, КраснорѢчіе и мнимая Философія гремятЪ противЪ славолюбія завоевателей! Сколь часто укоряютЪ ихЪ безчисленными жертвами сей грозной страсти! Но истинный ФилософЪ различаетЪ, судитЪ

и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта всемірнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда мечтою? Мораль народовъ и Государей не есть мораль частныхъ людей; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣшней безопасности: а безопасность есть — могущество! Слабый народъ трепещетъ; сильный, подъ эгидою величія, свободно наслаждается политическимъ бытіемъ. Сія истина раждаетъ правила для Монарховъ. Исчезни память кровожадныхъ Аттилъ, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти имя Героевъ, которые разили враговъ отечества, и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе! Петръ и ЕКАТЕРИНА хотѣли пріобрѣтеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо ненадежно.

Монархиня знала, что Имперія Оттоманская, по своему закону и духу правленія, есть опасный врагЪ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры сЪ нею будутЪ только краткимЪ перемиріемЪ, и что единственный способЪ утвердить покой нашего государства есть ослабить сего природнаго и вѣчнаго непріятеля ХристіянЪ — знала, и совершила. Но Европа видѣла, что ЕКАТЕРИНА, будучи всегда готовою, кЪ войнѣ, по особенной любви кЪ справедливости никогда Сама не разрывала мира; когда же мечь, извлеченный для обороны, блисталЪ вЪ рукѣ Ея, тогда — горе врагамЪ безразсуднымЪ!

Едва Монархиня успѣла привести вЪ лучшій порядокЪ внутреннее правленіе государства, уже дерзостный Мустафа оскорбилЪ величіе Россіи; объявилЪ себя союзникомЪ ПольскихЪ мятежни-

ковъ, требовалъ, чтобы войско наше оставило Станислава симъ въ жертву; и наконецъ, презирая священныя права народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его Дворѣ былъ образомъ ЕКАТЕРИНЫ!

Уже Ея воины разили Оттомановъ; уже на берегахъ Днестровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена — но взоръ ЕКАТЕРИНЫ еще искалъ Полководца, достойнаго Ея довѣренности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превосходнаго ума предписать законъ року. Искала, и нашла — Румянцева! Сей великій мужъ славно отличилъ себя во время войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивляясь хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ, и видѣлъ нѣсколько разъ

побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ; и ЕКАТЕРИНА, избравъ Румянцева, ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

Герой, пріявъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія распоряженія; отвергнулъ всѣ малодушныя осторожности, похожія на робость, и введенныя въ нашихъ арміяхъ чужеземными военачальниками. *Не рогатки, а огнь и мечь защита ваша*, сказалъ онъ Россійскимъ легіонамъ — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Оттомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи страшные завоеватели востока, ужасъ Европы, истребители славныхъ армій ея, не могутъ стоять предъ лицемъ Румянцева! Восемдесять тысячь отборнаго Турецкаго войска подъ начальствомъ Хана Селима, исчезло

какЪ прахЪ на берегахЪ Прута; ни высокая гора, ни укрѣпленный станЪ не спасли ихЪ. Сего мало — туда, гдѣ рѣка ПрутЪ вливаетЪ быстрыя воды свои вЪ величественный Дунай; туда, гдѣ Великій ПетрЪ, окруженный невѣрными, отчаялся быть побѣдителемЪ и требовалЪ мира — туда Геній ЕКАТЕРИНЫ привелЪ Румянцева, и поставилЪ его между врагами безчисленными. СЪ одной стороны ХанЪ Крымскій горѣлЪ ревностію загладить стыдЪ своего пораженія; сЪ другой самЪ Визирь уже торжествовалЪ вЪ мысляхЪ побѣду. Сограждане! каждый изЪ васЪ слыхалЪ о великомЪ днѣ КагульскомЪ и проливалЪ радостныя слезы, достойныя Рускаго сердца; я проливалЪ ихЪ, внимая вашему повѣствованію, Герои именитые, щастливые сподвижники Румянцева! и никогда вЪ моемЪ воображеніи не затмится сія величественная картина, 17 тысячь РускихЪ, на разсвѣтѣ

прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчанiи идутъ умереть со славою противъ 150 тысячь непрiятелей; тихое веселiе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствiе геройскаго безсмертiя. Всѣ повелѣнiя были отданы, и Вождь казался спокойнымъ; одно величество блистало въ его взорахъ. — Вдругъ громы возвѣстили явленiе солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова возсiяло — и гдѣ враги многочисленные? Я вижу трофеи наши, и среди ихъ Героя Румянцева, который, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишетъ къ Монархинѣ донесенiе о славнѣйшей побѣдѣ въ мiрѣ. Духъ Петра Великаго! Ты утѣшился. Отнынѣ слiянiе Прута съ Дунаемъ будетъ радостнымъ памятникомъ для Россiянъ.

Засимъ торжествомъ ЕКАТЕРИНИНОЙ славы мiръ увидѣлъ другое, не менѣе чудесное. Сама Природа заграждаетъ, кажется,

дальній путь нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на двѣ трети года; но Геній Монархини побѣждаетъ Природу, и волны изумленнаго Геллеспонта пѣнятся подъ рулями Россійскими. Священныя воспоминанія Исторіи волновали сердце нашихъ плывущихъ Героевъ, когда они узрѣли берега Италіи. *Имъ казалось*, что великія тѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, паря надъ гробомъ древней Республики, съ любопытствомъ и удивленіемъ взирали на гордый, и симъ морямъ неизвѣстный флагъ ЕКАТЕРИНЫ; *имъ казалось*, что Россія есть новый Римъ своимъ величествомъ. Съ такими чувствами наши Аргонавты приближались къ странамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣтописяхъ славы, и равно богатымъ великими идеями; они надѣялись воскресить тамъ геройство Ликурговыхъ и Солоновыхъ питомцевъ; надѣялись именемъ новой Аѳинеи воззвать

къ жизни и великимъ дѣламъ потомковъ Мильтіада, Аристида, Θемистокла. Но долговременное рабство навѣки умертвило тамъ сердца людей; грубый слухъ не внималъ уже сладкому имени свободы, и Герои Россійскіе увидѣли, что имъ надлежало думать только о славѣ ЕКАТЕРИНЫ. Не за тѣмъ окружили они Европу, не за тѣмъ оставили за собою берега Африканскіе, чтобы творить дѣла обыкновенной храбрости.... и Геллеспонтъ пылаетъ! . . . О зрѣлище, для самаго воображенія ужасное! мысль смѣлая и великая! исполненіе дерзостное и щастливое! Молніеносные Россіяне повелѣваютъ стихіями: огнь и волны истребляютъ врага! вѣками уготованныя морскія силы его исчезаютъ съ дымомъ! Все Оттоманское гибнетъ, кромѣ однихъ трофеевъ для побѣдителя — и Монархиня возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ Петра Перваго! — Чесма без-

смертна, подобно Полтавѣ и Кагулу; и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы (*).

Слѣдующее лѣто также осѣнило насъ лаврами. Что началъ Царь Іоаннъ Грозный, то довершила ЕКАТЕРИНА Великая. Сіи славные глубокіе окопы, которые отъ Чернаго моря простираются до Азовскаго, не могли остановить торжественнаго теченія Ея воиновъ, и Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и бичемъ нашего отечества, палъ къ стопамъ Россійскаго Генія. — Берега Дуная не преставали обагряться кровію невѣрныхъ, и Константинополь трепеталъ, внимая близкимъ громамъ нашего флота. Мустафа смирился, и Румянцевъ опустилъ мечь свой; но еще не пришелъ

(*) Въ сей же годъ были взяты Бендеры Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ.

конецЪ бѣдствіямЪ ОттомановЪ. Мирные переговоры не имѣли щастливаго успѣха, и ПолководецЪ ЕКАТЕРИНЫ украсилЪ Ея корону новыми лаврами; разилЪ, истреблялЪ, очистилЪ себѣ путь кЪ Адріанополю, отрѣзалЪ, окружилЪ Визиря — и Геройскою рукою своею подписалЪ славный для Россіи мирный трактатЪ, который открылЪ намЪ моря Турецкія и Дарданеллы, даровалЪ независимость Крыму, обогатилЪ казну государственную милліонами, утвердилЪ за Россіею АзофЪ и ТаганрокЪ. Никогда еще отечество наше не заключало толь блестящаго мира сЪ Портою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россійскаго Дворянства тремя именами славы. РимЪ имѣлЪ СципіоновЪ АфриканскихЪ, АзіатскихЪ; ЕКАТЕРИНА воскресила сію награду, достойную Ея величія — и Россія имѣетЪ своего Задунайскаго, Чесмескаго, Крымскаго.

Послѣднимъ торжествомъ Румянцева былъ тотъ день, когда ЕКАТЕРИНА именемъ отечества изъявила ему благодарность. Отягченный лаврами, онъ сходитъ съ театра славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но Исторія пріемлетъ его во святилище безсмертія. Такъ, она скажетъ Россіянамъ: „Во дни ЕКАТЕРИНЫ Ру„мянцевъ открылъ вамъ тайну „всегда побѣждать невѣрныхъ, „малымъ числомъ безчисленность; „усѣвать поля трупами ихъ, и „сохранять цѣлость рядовъ ва„шихъ!" — Естьли таланты изъясняются сравненіемъ, то Задунайскаго можно назвать Тюреномъ Россіи. Онъ былъ *мудрый* Полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и

яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ нещастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный Геніемъ Натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу Науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы во глубинѣ сердца, естьли бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія. — Такъ думаютъ о Задунайскомъ благодарные ученики его.

Теперь обращается взоръ нашъ на ту, нѣкогда мощную Республику, которой имя и бытіе уже исчезло въ Европѣ. Давно ли еще наглая и злобная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможеніемъ, хищ-

ною рукою хватала въ свое подданство цѣлыя Княжества Россійскія? Давно ли древняя столица Владимира носила ея цѣпи? Давно ли и ты, Москва цвѣтущая, лежала у ногъ гордаго вождя Сарматскаго? Но Россія, подобно спавшему Исполину, возстала въ гнѣвѣ своемъ: враги ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвратили похищенное. Такъ, Монархиня взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе, и когда уже слабый духъ ветхія Республики не могъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества ЕКАТЕРИНЫ и любви Ея къ Россіи. Полоцкъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего отечества, подобно дѣтямъ, которыя, бывъ долго въ горестномъ отсутствіи, съ радостію возвращаются въ нѣдра щастливаго родительскаго семейства.

Крымъ былъ независимъ; но Крымъ былъ еще гнѣздомъ раз-

бойниковъ, опасныхъ для Россіи. Сія прекрасная часть нашей Имперіи, гдѣ Природа столь щедро награждаетъ трудолюбіе, и за каждое, лону ея ввѣренное зерно даетъ богатый класъ земледѣльцу; гдѣ, на тучныхъ паствахъ разсыпаются стада безчисленныя; гдѣ свирѣли и нѣжныя пѣсни веселыхъ пастырей, простота нравовъ, миролюбіе и общее добродушіе жителей напоминаютъ воображенію щастливые берега Ладона — Малороссія не могла быть покойною въ сосѣдствѣ неукротимыхъ варваровъ. ЕКАТЕРИНА повелѣла — и воинство Ея, не обнаживъ меча, заняло полуостровъ Крымскій, древнюю Тавриду, столь извѣстную въ Исторіи и въ самой Миѳологіи. Монархиня еще не вѣдала, что сіе важное пріобрѣтеніе возвратило Россіи ея нѣкогда именитое Княжество Тмутараканское или столицу его, которая скрывалась

доселѣ (**) отъ любопытства нашихъ Историковъ. Такимъ образомъ пресѣклись грозные набѣги Татаръ, столь бѣдственные для нашего отечества. Сама же Таврида будетъ всегда прекрасною частицею Россійской Имперіи, и со временемъ важною для торговли съ Архипелагомъ и Востокомъ. Уже любопытные изъ отдаленныхъ земель пріѣзжаютъ видѣть сію чудесную страну, которая представляетъ взору и гранитныя горы Швейцаріи и плодоносныя долины Піемонтскія; страну, гдѣ творческая Натура съ нѣжными красотами соединила величественныя; гдѣ въ одно время и зима свирѣпствуетъ и весна улыбается; гдѣ мудрый наблюдатель Природы находитъ для себя разнообразныя богатства, и гдѣ чувствительное сердце,

(*) На островѣ Таманѣ. — См. любопытное сочиненіе Графа А. И. Пушкина о семъ предметѣ.

наскучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Оттоманская Порта содрогнулась; и хотя, по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила мирный трактатъ съ Россіею, но скоро тайная злоба ея воспылала.

Здѣсь напомню вамъ, сограждане! славное путешествіе Монархини въ страны Ею населенныя или завоеванныя: Она желала видѣть Тавриду и новые плоды своего щастливаго царствованія. Зрѣлище восхитительное, достойное ЕКАТЕРИНЫ! Отъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понта Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи невольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упадали

предЪ Нею какЪ предЪ Божествомъ благодѣтельнымъ. ТакЪ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, при звукѣ безчисленныхЪ мусикійскихъ орудій, шествовала по цвѣтущимъ областямЪ ея, изумляя подданныхЪ своимъ величіемъ и щедротами!... КакЪ сладостно было сердцу Монархини, когда искреннее усердіе вѣщало Ей: „Сіи трудолюбіемЪ „и художествомъ украшенныя мѣ„ста недавно были горестною пу„стынею, дикою степью; гдѣ „сіи обширные сады зеленѣютъ и „гордыя палаты возвышаются, „тамЪ одни песчаные холмы пред„ставлялись унылому взору! ВЪ „семЪ юномЪ городѣ (*), Тобою „сотворенномъ, уже цвѣтетъ тор„говля. Здѣсь востокЪ и западЪ „мѣняются своими богатствами. „Здѣсь все исполнено *имени* и „славы Твоей!" — ТамЪ два Вѣнценосца встрѣтили Монархиню,

---

(*) ВЪ Херсонѣ.

какъ будто для того, чтобы еще болѣе украсить торжество Ея. ЕКАТЕРИНѢ обязанъ былъ Станиславъ короною, и славился тѣмъ предъ свѣтомъ. Іосифъ внималъ Ея премудрымъ намѣреніямъ для блага человѣчества, когда Она, чрезъ волны Эвксинскія устремляла священный взоръ на градъ Константина. Цари Италіи спѣшили Посольствами изъявить радость свою о приближеніи Сѣверной Царицы къ странамъ ихъ.

Сіе путешествіе и догадки Европы о свиданіи ЕКАТЕРИНЫ съ Іосифомъ послужили Оттоманскому Двору предлогомъ къ разрыву мира. Война снова возгорѣлась. Уже Румянцевъ не былъ главнымъ, дѣятельнымъ начальникомъ; но духъ его жилъ въ Россійскихъ арміяхъ — и невѣрные, увидѣвъ ихъ, встрепетали: они узнали прежнихъ своихъ разителей, узнали по ихъ быстрымъ движеніямъ, смертоноснымъ тро-

мамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ полей открытыхъ, милыхъ геройству, страшныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ оградахъ. Но ни Искусство, ни Природа не могли защитить ихъ — и сія война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смѣлыми и щастливыми приступами. Только Россіяне могутъ быть предметомъ сравненія для Россіянъ: Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ; но Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитростями Искусства. Теперь падаетъ онъ во всемъ своемъ величіи, чтобы тѣмъ болѣе увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ человѣколюбія ЕКАТЕРИНЫ и доказательствомъ непоколебимаго терпѣнія нашихъ воиновъ, которые въ открытомъ станѣ презирали всѣ ужасы зимніе. Монархиня щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится; — но когда Военачальникъ произнесъ

Ея именемъ рѣшительное слово, Герои вошли въ крѣпость по трупамъ непріятелей. — Взятіе Измаила было еще славнѣе. Тамъ армія обороняла городъ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія — все обѣщало ему безопасность. Пришелъ Суворовъ!... казалось для того, чтобы видѣть неприступность города. Воинство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россіянъ на валу крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ видитъ смятеніе нашего Героя; что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства. Ночь прошла — и Суворовъ въ Измаилѣ! 20000 Оттомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленіемъ узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные Донскіе воины, подъ начальствомъ Героя, превращаются въ фалангу Македонскую и берутъ крѣпости.

Іосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россіи; но щастіе и слава, еще вѣрнѣйшіе друзья наши, не хотѣли его признать своимъ союзникомъ. Воинство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грознаго вопля невѣрныхъ и страшнаго имени Аллы, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баннатъ былъ свидѣтелемъ Австрійскихъ нещастій. Оттоманы, спасенные бѣгствомъ отъ меча Россійскаго, разили воиновъ Іосифа, тѣхъ, которые прежде сами побѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ. Украшенный лаврами старецъ, совмѣстникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія спасти отечество. Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но кратковременнымъ; и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовѣ. Одни Россіяне могли ободрить унылые легіоны Австрійскіе; одинъ *Рымникскій* могъ принести славу и щастіе въ станъ ихъ — и при-

несъ. Семь тысячь Рускихъ указали имъ путь къ побѣдѣ... Австрійцы сразились храбро... Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена ЕКАТЕРИНЫ, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ тылъ нашимъ союзникамъ. Въ сей-то незабвенный день Австрійцы узнали чудеснаго Суворова; и когда, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, надлежало имъ противъ храбрыхъ Республиканцевъ поставить Вождя крѣпкаго, они, забывъ народную гордость свою, требовали Героя Рымникскаго.

ЕКАТЕРИНА въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порта, Англія и Пруссія обольстили Густава: онъ дерзнулъ объявить войну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы, тогда, тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ отечеству и къ

Монархинѣ. Всѣ воспылали гнѣвомъ на врага вѣроломнаго и ревностію наказать его; всѣ мирные граждане готовы были летѣть на поле брани. Сіе воспоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ, сограждане — воспоминаніе незабвенное и радостное для Патріотовъ! Могли ли Готѳы, неохотные исполнители беззаконной воли (*), стоять противъ сыновъ обожаемой ЕКАТЕРИНЫ, сильныхъ любовію къ отечеству и ненавистію къ виновнику сей войны неправедной? Густавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ трепетъ Россію, и откроетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легіоновъ, столь ужасныхъ для его предковъ! Сіи Герои стремились возобновить прежнюю славу свою

(*) По законамъ Швеціи Король не могъ начинать войны безъ согласія другихъ Властей, то есть, Сейма.

въ каменистомъ отечествѣ Финновъ, и доказать міру, что стража Монарховъ Россійскихъ достойна своего имени и сана. Гдѣ только Готѳы сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Густавъ истощилъ всѣ способы ума и дерзости своей — напрасно и безъ успѣха! ЕКАТЕРИНА внимала грому флотовъ его; но покойно и величественно гуляла въ садахъ Своихъ. Король, ослѣпленный высокомѣріемъ и лживыми союзниками, увидѣлъ наконецъ заблужденіе, и прибѣгнулъ къ великодушію Монархини: Она даровала ему миръ, который единственно могъ спасти бѣдные остатки силъ его.

Порта Оттоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинство унывало; страшные Янычары страшились одного имени Россіянъ; море, отверстое для нашихъ флотовъ, всякой день могло

представить очамъ Султана флагъ ЕКАТЕРИНЫ.... Но Монархиня желала успокоить Своихъ воиновъ, и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаковъ; и слѣдъ Турецкаго владѣнія истребился на семъ берегу Днестра. Всѣ Дворы удивились Ея умѣренности; но ЕКАТЕРИНА знала время, обстоятельства; хотѣла видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ Европейскихъ перемѣнъ (*), и отсрочила дальнѣйшіе успѣхи Россійскаго оружія.

Польща была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей Республики волновались и кипѣли злобою на Россію. Безпокойные умы испровергли древніе законы, утвержденные ЕКАТЕРИНОЮ; собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей Имперіи умысловъ. Но благоразумные тре-

(*) Французской Революціи.

бовали заступленія Монархини. Она повелѣла возстановить древній Уставъ Республики: толпы мятежниковъ были разсѣяны горстію нашихъ воиновъ, и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою Россійскою... Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя ратоборствовать съ Героями въ полѣ, она хотѣла умертвить ихъ въ объятіяхъ сна, и драгоцѣнная кровь Россійская обагрила стогны Варшавскія. Слабодушные убійцы! стыдъ Сѣвера, который, издревле довольствуясь славою побѣждать Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напомнила ужасы Сициліанскіе!... Сердце ЕКАТЕРИНЫ содрогнулось. Державная рука Ея бросила въ урну сей недостойной Республики жребій уничтоженія, и Суворовъ, подобно Ангелу грозному, обнажилъ мечь истребленія; пошелъ — и вождь мятежниковъ спасается отъ смерти

плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ отчаяніемъ, дымится въ своихъ развалинахъ — и Варшава падаетъ къ стопамъ ЕКАТЕРИНЫ. Совершилось!....Но Монархиня, подобно Божеству, самымъ наказаніемъ благотворитъ человѣчеству. Польши нѣтъ; но мятежные и нещастные жители ея, утративъ имя свое, нашли миръ и спокойствіе подъ державою трехъ союзныхъ Государствъ. Республика безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская, имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игралищемъ гордыхъ вельможъ, театромъ ихъ своевольства и народнаго униженія. Развалины храмовъ добродѣтели горестны для сердца; но пусть вѣтръ развѣваетъ пепелъ тѣхъ капищъ, гдѣ тиранство было идоломъ! Никто не жалѣетъ о Польшѣ. Богатѣйшія страны ея достались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при ЕКАТЕРИНѢ подвиги свои Герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго какъ будто еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его — цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго Воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ щастливѣйшихъ Полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Цесарю, ставилъ себя выше Рока, и Рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибкѣ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ, а летѣлъ ко Славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пути. Вся

военная теорія его состояла въ трехъ словахъ (*): *взоръ*, *быстрота*, *ударъ* — но *взоръ* сей даетъ Природа не многимъ; но *быстрота* сія была тайною для самыхъ Аннибаловъ; но *ударъ* сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ Военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ *любилъ* побѣжденныхъ непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный Полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи: ибо мѣсто перваго нещастнаго сраженія было бъ ему могилою. — Изображеніе Героевъ

(*) Написанныхъ имъ въ его тактикѣ, краткомъ, но любопытномъ сочиненіи.

Задунайскаго и Рымникскаго принадлежитъ къ царствованію ЕКАТЕРИНЫ: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Святаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ стоящіе: тамъ юные воины отечества будутъ произносить обѣты геройства. И въ семъ ревностномъ твореніи слабаго моего таланта да сіяютъ вмѣстѣ имена нашихъ первыхъ Военачальниковъ!

Уничтоженіе Польской Республики возвратило независимость Курляндіи, завоеванію храбрыхъ Тевтоническихъ рыцарей, странѣ плодоносной, извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнямъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарю, собираемому на берегахъ ея. Но Курляндія, зная, что независимость всегда бываетъ нещастіемъ для области безсильной, хотѣла славы принадлежать ЕКАТЕРИНѢ.

Монархиня пріяла ее подъ Свою державу, и Россія обогатилась новыми Портами, драгоцѣнными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили подъ небесами Востока; уже крылатая молва несла въ страны Великаго Могола имя Россійской Монархини; уже воинство наше, то подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ туманныхъ, то спускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ *вратъ Каспійскихъ*; уже *стѣна Кавказская*, памятникъ величія древнихъ Монарховъ Персіи, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый вождь его пріялъ серебряные ключи Дербента изъ рукъ старца, который въ юности своей вручалъ ихъ Петру Великому, и сей градъ, основанный, по восточному преданію, Александромъ Македонскимъ, осѣнился знаменами ЕКАТЕРИНЫ .... когда всемогущая Судьба пресѣкла дни Монархини и теченіе побѣдъ Ея.

Таинство великой Души намъ не извѣстно. Чудесныя дѣла ЕКАТЕРИНЫ могли быть увѣнчаны новымъ чудомъ; война Персидская могла имѣть предметъ важный; могла открыть путь въ Россію несмѣтнымъ богатствамъ Востока; могла успокоить народы мятежные, которые, подъ вліяніемъ щастливѣйшаго неба, служатъ примѣромъ бѣдствій; могла .... Но, повторяю: таинство великой Души намъ не извѣстно.

. . . .

Монархиня оставила Россію на вышней степени Геройскаго величія, обогащенную новыми странами, гаванями и милліонами жителей; безопасную внутри, страшную для внѣшнихъ непріятелей. Міръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россіянъ, и Россіяне не знали, какъ не сокрушить врага. Ихъ стихія была слава: и симъ-то чувствомъ Великая готовила побѣды! Она умѣла награждать воинскія заслуги до-

стойнымъ ихъ образомъ; отличала воинскія дарованія лестнымъ благоволеніемъ — и Герой, который имѣлъ щастіе лобызать Ея державную руку, слышать восхитительныя слова Милости, пылалъ новою ревностію геройства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цвѣтами роскоши, среди столицы усыпленные нѣгою, при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались, срывали съ себя вѣнки Грацій, и стремились на поле чести искать опасностей и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время ЕКАТЕРИНЫ видѣли мы сіи, можно сказать, волшебныя превращенія нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли тысячи Россійскихъ Альцібіядовъ! — Европа съ благоговѣніемъ взирала на Тронъ Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшило судьбу государствъ: ибо въ слѣдъ за нимъ готовы были летѣть непобѣдимые!

Не только благо нашего отечества, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами ЕКАТЕРИНЫ. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стѣнамъ Вѣнскимъ? Новый Магометъ II могъ быть новымъ истребителемъ государствъ Европейскихъ: сколь же бѣдственны успѣхи Оттоманскаго оружія для человѣчества и просвѣщенія? Теперь варвары уже неопасны для Европы; теперь слабый Паша Виддина презираетъ могущество Порты! . . . И сія безопасность есть дѣло Великой ЕКАТЕРИНЫ, Которая потрясла и отчасти разрушила сей колоссъ ужасный.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЕКАТЕРИНА - Завоевательница стоитъ на ряду съ первыми Героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ Ея оружія — но Россія обожаетъ Ея уставы, и воинская слава Героини затмѣвается въ Ней славою Образовательницы государства. Мечь былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго щастія; и находя множество Героевъ въ Исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремиться на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе ЕКАТЕРИНЫ, которое изъясняетъ всѣ другія, и которое всѣми другими изъясняется;

означимЪ, такЪ сказать, священный корень нашего блаженства во дни Ея — сію печать, сей духЪ всѣхЪ Ея законовЪ.

Она уважила вЪ подданномЪ санЪ человѣка, моральнаго существа, *созданнаго для щастія вЪ гражданской жизни.* ПетрЪ Великій хотѣлЪ возвысить насЪ на степень просвѣщенныхЪ людей: ЕКАТЕРИНА хотѣла обходиться сЪ нами какЪ сЪ людьми просвѣщенными. Исторія представляетЪ намЪ самовластныхЪ ВладыкЪ вЪ видѣ грознаго божества, которое требуетЪ единаго слѣпаго повиновенія, не даетЪ отчета вЪ путяхЪ своихЪ — гремитЪ, и смертные упадаютЪ во прахЪ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. ЕКАТЕРИНА преломила обвитый молніями жезлЪ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только обЪявила торжественно, что Владыки земные должны властвовать для блага народнаго,

но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ Россійскаго Трона: ибо ЕКАТЕРИНА научила насъ разсуждать, и любить въ порфирѣ добродѣтель. Щастливые Россіяне нашего вѣка! вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда стращно было наименовать Вѣнценосца; но имя ЕКАТЕРИНЫ, съ самаго Ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ Нею воцарились миръ въ семействахъ и веселье въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: „Монархиня! читай въ сердцахъ „нашихъ; мы не боимся, ибо мы „любимъ Тебя!“ Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, тайнаго судилища; но подъ Ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто доб-

рыми и спокойными гражданами (*). Хотя Великая предоставила Августѣйшему Ея Внуку безсмертную славу *искоренить* навѣки учреждение времен нещастных, не нужное в то время, когда щастие Монарха и подданных составляют единое, и когда любовь народная вооружена мечем правосудия для наказания злых умыслов: но в царствование ЕКАТЕРИНЫ одни преступники, или явные враги Ея, слѣдственно враги общаго благоденствия, страшились пустынь Сибирских; для одних извергов отверзался сей хладный гроб живых. Монархиня презирала и самыя дерзкия суждения, когда оныя происходили единственно от легкомыслия, и не могли имѣть вредных слѣдствий для государства; ибо Она знала, что личная безопасность есть первое для человѣка благо,

(*) См. Указ об уничтожении Тайной Канцелярии в 1762 году, Окт. 19.

и что безъ нее жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ щастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство Ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству, долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ Ея.

Монархиня, самымъ первымъ Манифестомъ открывъ подданнымъ дальніе виды Своей мудрости и государственнаго блага, спѣшила утвердить правосудіе, защиту собственности въ гражданскомъ обществѣ. Ей извѣстно было страшное зло лихоимства, которое превращаетъ святое мѣсто Суда въ постыдное торжище, гдѣ бѣдная невинность безгласна, и гдѣ богатство есть обожаемый, всемогущій идолъ. Какое хладное сердце можетъ быть нечувствительно къ Ея краснорѣчивому, убѣдительному, трогательному

Указу о семъ предметѣ (*)? Любовь Свою къ правдѣ ставитъ Она въ примѣръ симъ недостойнымъ судіямъ, которые, вмѣсто славы быть орудіями истины, щитомъ невинности, ужасомъ злодѣйства, пекутся только о гнусной корысти! —

Сенатъ, учрежденный Петромъ Великимъ для управленія государствомъ; Сенатъ, который въ отсутствіе Монарха имѣлъ всю власть Его, но который по кончинѣ Петра утратилъ свое мугущество — будучи замѣненъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, а послѣ Кабинетомъ Императорскимъ — хотя и былъ возстановленъ со всѣми правами Императрицею Елисаветою, но безчисленныя дѣла, стекаясь въ семъ главномъ судилищѣ, такъ сказать, исчезали въ его архивахъ, къ неизъяснимому вреду частныхъ

(*) Указъ о лихоимствѣ въ 1762 году.

людей и государственной экономіи. ЕКАТЕРИНА раздѣлила Сенатъ на Департаменты, каждому изъ нихъ предписала особенный родъ дѣлъ, и симъ порядкомъ оживила ихъ теченіе. Вы знаете, избранные мужи, преемники Долгорукихъ и Головиныхъ, друзей Петровыхъ — вы знаете, чего Монархиня отъ васъ требовала! Тамъ, въ собраніи вашихъ священныхъ хартій, блюдется, на память вѣкамъ, сіе собственной руки Ея начертаніе (*), въ которомъ Она говоритъ съ вами какъ съ именитыми отцами древняго Рима, изъявляя пламенную ревность Свою ко благу Россіи, заклиная васъ любовію къ отечеству быть достойными орудіями законовъ, и ставя вамъ въ примѣръ Исторію! Отъ васъ единыхъ всегда зависѣло быть подобными тому величественному Совѣту, который Царямъ казался

(*) Отъ 6 Іюня 1763.

Совѣтомъ Царей. Великая Сама засѣдала съ вами, и разсуждала о пользѣ народной. Единый изъ васъ (*), мужъ достойный почтенія Россіянъ, дерзнулъ представить Ей возраженіе въ дѣлѣ важномъ и государственномъ, уже рѣшенномъ Монархинею; не трепеталъ голосъ его, и видъ спокойный не измѣнялся: онъ зналъ ЕКАТЕРИНУ — и державная рука Ея предрала бумагу, Ею подписанную. Сей день для него славенъ — еще славнѣе для Монархини!

Желая, чтобы духъ ревности, влiянный Ею въ главное Правительство Имперiи, распространился и во всѣхъ частяхъ ея, Она обнародовала Свое мудрое *Наставленiе Губернаторамъ* (**), въ которомъ предписываетъ имъ быть окомъ и душею правосудiя,

(*) Петръ Ивановичъ Панинъ. — Сей случай всѣмъ извѣстенъ.
(**) 1764 году, Апрѣля 21.

чтобы во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, имъ подчиненныхъ, обитала святая истина, и чтобы *ни знатность вельможъ, ни сила богатства* не могли обольщать совѣсти, а *вдовы и сироты не проливали слезъ бѣдствія!*

Торговля, отрасль государственнаго благосостоянія, была особеннымъ предметомъ Ея вниманія. Она даровала ей всѣ способы цвѣсти и распространяться; Она даровала ей свободу. Гавани открылись для вывоза богатыхъ произведеній Россіи, богатыхъ своею необходимостію для другихъ народовъ. Обрадованное купечество могло уже по волѣ мѣняться товарами съ Китаемъ, съ Востокомъ и съ Европою (*). Архангельской Портъ престалъ завидовать Петербургскому, и всѣ исключительныя права для общей пользы уничтожились.

(*) Указъ 1762 году, Авг. 10.

въ правленіе ЕКАТЕРИНЫ чудесные успѣхи внѣшней торговли были слѣдствіемъ Ея мудрыхъ коммерческихъ уставовъ.

Россійское государство представляло взору Монархини многія обширныя страны, обогащенныя Натурою, но пустыя, ненаселенныя: Она благодѣтельными законами (*) привлекла трудолюбивыхъ иностранцевъ въ Россію, и звукъ сѣкиры раздался въ дикихъ лѣсахъ; пустыни оживились людьми и селеніями; плугъ углубился въ свѣжую землю, и Природа украсилась плодами трудовъ человѣческихъ. Уже давно путешествующіе иностранцы въ отдаленныхъ предѣлахъ нашихъ съ удивленіемъ находятъ своихъ единоземцевъ, которые говорятъ имъ о щедротахъ ЕКАТЕРИНЫ, и которые, по мѣрѣ ихъ искус-

(*) Ук. 1763 года, Іюля 22; и 1764, Марта 10.

ства и прилѣжности, благоденствуютъ въ нашей Имперіи, не жалѣя о своемъ отечествѣ. Такъ среди волнистыхъ степей Царицинскихъ цвѣтетъ теперь мирная Колонія Евангелическаго Братства, подобно щастливому острову среди Океана; плѣняетъ глаза всѣми драгоцѣнностями ремесла, а сердце картиною добрыхъ нравовъ; дѣйствуетъ своимъ просвѣщеніемъ на сосѣдственные дикіе народы, и платитъ намъ долгъ признательности ласковымъ гостепріимствомъ.

Учрежденіе Монархини въ разсужденіи Духовныхъ имѣній есть также одно изъ достопамятныхъ дѣлъ Ея законодательнаго разума. Она знала, что строгій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, столь несообразныхъ съ его святостію, и совершила намѣреніе Великаго Петра, отдавъ монастырскія деревни подъ на-

чальство свѣтское; опредѣливъ достаточныя суммы для всѣхъ потребностей Духовенства, для благолѣпія церквей, и повелѣвъ употребить прочіе доходы съ сего милліона душъ на успокоеніе престарѣлыхъ воиновъ, и содержаніе духовныхъ училищъ (*). Такимъ образомъ исполнилось желаніе благочестивыхъ людей, которые, отдавая монастырямъ свое богатство, безъ всякаго сомнѣнія хотѣли, чтобы оно употреблено было на благодѣтельныя заведенія: — чтожь можетъ быть святѣе призрѣнія изувѣченныхъ героевъ и основанія училищъ, въ которыхъ образуются служители Олтарей и достойные проповѣдники Божественнаго Слова? Знаменитѣйшія Духовныя Особы изъявили въ семъ дѣлѣ патріотическое свое усердіе. Имена Митрополита Новогородскаго и Архіепископа Санктпетербургскаго

(*) Манифестъ 1764 году, Фев. 29.

будутъ всегда извѣстны, вмѣстѣ съ именемъ Ѳеофана, сотрудника Петрова.

Я не буду говорить о безчисленныхъ Указахъ, изданныхъ ЕКАТЕРИНОЮ въ первые три года Ея царствованія, и доказывающихъ ту неусыпную ревность къ отечеству, ту непонятную дѣятельность, которая объемлетъ всѣ части цѣлаго, и которыя примѣръ находимъ только въ Петрѣ Великомъ. Но потомство замѣтитъ, что внутреннее превосходное образованіе нашихъ армій есть дѣло ЕКАТЕРИНЫ. Она опредѣлила ясно (*) всѣ должности отъ перваго Начальника до послѣдняго воина, и строгую, необходимую для успѣховъ подчиненность основала на правилахъ разума; Она Своимъ Уставомъ вліяла въ легіоны наши духъ

(*) См. Указъ о военной дисциплинѣ и Инструкцію Полковнику.

чести и благородства; Она произвела, что воины одного полку считали себя дѣтьми одного семейства, гордились другъ другомъ и стыдились другъ за друга; Она, требуя отъ однихъ непрекословнаго повиновенія, другимъ предписала въ законъ не только человѣколюбіе, но и самую привѣтливость, самую ласковую учтивость; изъявляя, можно сказать, нѣжное попеченіе о благосостояніи простаго воина, хотѣла, чтобы онъ зналъ важность сана своего въ Имперіи, и, любя его, любилъ отечество.

Теперь представляется мнѣ славнѣйшая эпоха славнаго царствованія! Россія имѣла многіе частные, мудрые законы, но не имѣла общаго Уложенія, которое бываетъ основаніемъ государственнаго благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановленіями; великіе хотятъ системы,

цѣлаго и вѣчнаго. Чего Петръ Великій не могъ сдѣлать, то рѣшилась исполнить ЕКАТЕРИНА. Чувствуя важность сего предпріятія, Она хотѣла раздѣлить славу Свою съ подданными, и признала ихъ достойными быть совѣтниками Трона. Повелѣвъ собраться государственнымъ Чинамъ (дѣло неслыханное въ Россіи!) или Депутатамъ изъ всѣхъ судилищъ, изъ всѣхъ частей Имперіи, чтобы они предложили свои мысли о полезныхъ уставахъ для государства — Великая говоритъ: „Наше первое желаніе есть, видѣть народъ Россійскій столь „щастливымъ и довольнымъ, сколь „далеко человѣческое щастіе и „довольствіе можетъ на сей земле простираться. Симъ учре„жденіемъ даемъ ему опытъ На„шего чистосердечія, великія до„вѣренности и прямыя материн„скія любви, ожидая со стороны „любезныхъ подданныхъ благодар-

„ности и послушанія (*).“ Вообраafженіе мое не можетъ представить ничего величественнѣе сего дня, когда въ древней столицѣ нашей соединились обѣ гемисферы земли, явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствахъ Россіи, языковъ, обычаевъ и вѣръ различныхъ: потомки Славянъ-побѣдителей, Нормановъ ужасныхъ Европѣ, и Финновъ, столь живо описанныхъ перомъ Тацитовымъ; мирные пастыри южной Россіи, Лапландскіе Ихтіофаги и звѣриными кожами одѣянные Камчадалы. Москва казалась тогда столицею вселенныя, и собраніе Россійскихъ Депутатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно обьявили волю Монархини — и Самоѣдъ удивился, слыша, что нужны законы людямъ (**)! Имъ торжественно вручили сей славный

(*) Манифестъ о собраніи Депутатовъ.

(**) Сей анекдотъ извѣстенъ. Самоѣдамъ никакъ не могли изъяснить, что такое законъ.

Наказъ ЕКАТЕРИНЫ, писанный Ею для избранной Коммисіи Депутатовъ, переведенный на всѣ Европейскіе языки, зерцало Ея великаго ума и небеснаго человѣколюбія. Никогда еще Монархи не говорили съ подданными такимъ плѣнительнымъ, трогательнымъ языкомъ! Никто, никто еще изъ сѣдящихъ на тронѣ столь премудро не изъяснялся, не имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управлять людьми, о средствахъ народнаго щастія. Сограждане! сіе твореніе такъ достопамятно и священно, что сердце мое пылаетъ ревностію представить вамъ главныя черты его.

Монархиня прежде всего опредѣляетъ образъ правленія въ Россіи — *Самодержавный*; не довольствуется единымъ, всемогущимъ изреченіемъ, но доказываетъ необходимость сего правленія для неизмѣримой Имперіи. Только единая, нераздѣльная, державная

воля можетъ блюсти порядокъ и согласіе между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Волѣ, управляющей вселенною; только она можетъ имѣть сіе быстрое, свободное исполненіе, необходимое для пресѣченія всѣхъ возможныхъ безпорядковъ; всякая медленность произвела бы нещастныя слѣдствія (9, 10, 11 (*)). Здѣсь примѣры служатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ. Сограждане! Римъ, котораго именемъ цѣлый міръ назывался, въ единомъ самодержавіи Августа нашелъ успокоеніе послѣ всѣхъ ужасныхъ мятежей и бѣдствій своихъ. Что видѣли мы въ наше время? Народъ многочисленный на развалинахъ трона хотѣлъ повелѣвать самъ собою: прекрасное зданіе общественнаго благоустройства разрушилось; неописанныя нещастія были жребіемъ Фран-

(*) Сіи числа означаютъ отдѣленія Наказа.

ціи, и сей гордый народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, проклиная десятилѣтнее заблужденіе, для спасенія политическаго бытія своего вручаетъ самовластіе щастливому Корсиканскому воину. Не за тѣмъ оставилъ человѣкъ дикіе лѣса и пустыни; не за тѣмъ построилъ великолѣпные грады и цвѣтущія селы, чтобы жить въ нихъ опять какъ въ дикихъ лѣсахъ, не знать покоя и вѣчно ратоборствовать не только со внѣшними непріятелями, но и съ согражданами: что же другое представляетъ намъ Исторія Республикъ? Видимъ ли на семъ бурномъ морѣ хотя единый мирный и щастливый островъ? Мое сердце не менѣе другихъ воспламеняется добродѣтелію великихъ Республиканцевъ; но сколь кратковременны блестящія эпохи ея? Сколь часто именемъ свободы пользовалось тиранство, и героическихъ друзей ея заключало въ узы? Чье сердце не обливается

кровію, воображая Мильтіада въ темницѣ, Аристида, Өемистокла въ изгнаніи, Сократа, Фокіона, піющихъ смертную чашу, Катона самоубійцу и Брута въ послѣднюю минуту жизни уже не вѣрющаго добродѣтели? Или людямъ надлежитъ быть Ангелами, или всякое многосложное правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ воль, будетъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ нещастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей. Да живетъ же сія дикая Республиканская независимость въ мѣстахъ, подобно ей дикихъ и неприступныхъ, на снѣжныхъ Альпійскихъ громадахъ, среди острыхъ гранитовъ и глубокихъ пропастей, гдѣ отъ вѣчныхъ ужасовъ Природы безмолвствуютъ страсти въ хладной душѣ людей, и гдѣ человѣкъ, не зная многихъ потребностей, можетъ довольствоваться немногими законами Природы!

Согражданe! признаемъ во глубинѣ сердецъ благодѣтельность Монархическаго Правленія, и скажемъ съ ЕКАТЕРИНОЮ: „Лучше повиноваться законамъ подъ единымъ властелиномъ, нежели угождать многимъ“ (12). „Предметъ „Самодержавія, вѣщаетъ Она, есть „не то, чтобы отнять у людей „естественную свободу, но чтобы „дѣйствія ихъ направить къ ве„личайшему благу (13).“ Сія утѣшительная истина въ устахъ Монаршихъ плѣняетъ сердце — и неизмѣримая Имперія, подъ скипетромъ Вѣнценосца, слѣдующаго правиламъ ЕКАТЕРИНЫ, кажется мнѣ щастливымъ семействомъ, управляемымъ единою волею отца, по непремѣннымъ законамъ любви его. Сіе правленіе тѣмъ благотворнѣе, что оно соединяетъ выгоды Монарха съ выгодами подданныхъ: чѣмъ они довольнѣе и щастливѣе, тѣмъ власть Его святѣе и Ему пріятнѣе. Оно всѣхъ другихъ сообразнѣе съ цѣ-

лію гражданскихъ обществъ: ибо всѣхъ болѣе способствуетъ тишинѣ и безопасности.

„Государь есть источникъ „всякія власти въ Монархіи (19); „но сія власть должна дѣй-„ствовать чрезъ нѣкоторыя по-„средства, нѣкоторымъ опредѣ-„леннымъ образомъ: раждаются „Правительства и законы, кото-„рые дѣлаютъ твердымъ и не-„подвижнымъ установленіе вся-„каго государства (20, 21). Сенатъ, „главное Правительство, но за-„висящее отъ Монарха, есть въ „Россіи хранилище законовъ (26). „Онъ принимаетъ ихъ отъ Госу-„даря для исполненія; но можетъ „представлять Ему, естьли най-„детъ въ нихъ что нибудь вред-„ное, темное или противное Уло-„женію (21, 23, 24)." Такимъ образомъ Сенатъ въ отношеніи къ Монарху есть совѣсть Его, а въ отношеніи къ народу рука Монарха; вообще же онъ служитъ

эгидою для государства, будучи главнымъ блюстителемъ порядка.

Монархиня, сказавъ, что Самодержавіе не есть врагъ свободы въ гражданскомъ обществѣ, опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ:
„Она есть ничто иное, какъ спо-
„койствіе духа, происходящее
„отъ безопасности, и право дѣ-
„лать все дозволяемое законами
„(38, 39); а законы не должны
„запрещать ничего, кромѣ вред-
„наго для общества; они дол-
„жны быть столь изящны, столь
„ясны, чтобы всякой могъ чув-
„ствовать ихъ необходимость
„для всѣхъ гражданъ: и въ семъ-
„то единственно состоитъ воз-
„можное равенство гражданское
„(34)! Законодатель сообразуется
„съ духомъ народа; мы всего луч-
„ше дѣлаемъ то, что дѣлаемъ
„свободно, и слѣдуя природной
„нашей склонности. Когда умы
„для лучшихъ законовъ не гото-
„вы, то приготовьте ихъ; когда

„же надобно для щастія народа „перемѣнить его обычаи, то „дѣйствуйте однимъ примѣромъ. „Одно необходимое наказаніе не „есть тиранство, и законамъ „подлежитъ только явное зло „(57 — 63)."

Монархиня раздѣляетъ всѣ возможныя преступленія на особенные роды, и мудрость Ея, обогащенная мыслями Философовъ, которые занимались симъ важнымъ дѣломъ, опредѣляетъ для каждаго рода особенныя наказанія, извлеченныя изъ самаго естества вины: мысль святая! новое свѣтило для Законодателей! Такимъ образомъ „нарушитель благонравія да лишится выгодъ, сопряженныхъ съ благонравіемъ; да „ознаменуется стыдомъ, всенародным безчестіемъ; да удалится отъ общества, которому „онъ служитъ поношеніемъ; да „загладитъ раскаяніемъ дѣло свое, „и да исправится! Такимъ обра-

„зомъ нарушитель общаго покоя „да лишится мирныхъ его наслажденій, и губитель другихъ да „погибнетъ (68 — 79)!“

Премудрая доказываетъ умомъ и опытами, что „излишно строгое наказаніе не удерживаетъ „людей отъ злодѣяній; что умѣ„ренное, но *продолжительное*, дѣй„ствуетъ на душу сильнѣе же„стокаго, но *маловременнаго*; что „законы *исправительные* и крот„кіе благотворнѣе строгихъ, *ис„коренительныхъ*; что ужасная „привычка къ казни ожесточаетъ „сердце, и отнимаетъ у Законо„дателя способы къ исправленію „нравовъ; что *стыдъ* долженъ „быть главнымъ его орудіемъ; „что не умѣренность наказанія, „а совершенное упущеніе вины „раждаетъ дерзость и необуздан„ность (81 — 91).“ Нѣжная душа ЕКАТЕРИНЫ могла ли безъ трепета вообразить лютую казнь смерти, уничтоженіе существа,

одареннаго чувствомъ? Монархиня отрицаетъ ея необходимость въ спокойное царствованіе законовъ, и кроткая Философія торжествуетъ надъ жестокимъ обыкновеніемъ вѣковъ (210 — 213). Ко славѣ вашей, Россіяне! скажетъ нѣкогда Исторія, что у васъ первыхъ престала литься кровь человѣческая на эшафотахъ! И одно нѣжное, женское сердце, подкрѣпленное необыкновенною силою ума, могло согласить правосудіе съ человѣчествомъ! Злодѣйство наказано; но единый Богъ располагаетъ жизнію людей въ Россіи!

Законъ, утвердивъ наказаніе, долженъ опредѣлить и способы открывать преступленіе. „Въ „странахъ, гдѣ человѣчество угнетено, судъ простъ и рѣшителенъ: гордый Паша выслушиваетъ распрю, и судимый „оправданъ или наказанъ. Но въ „государствѣ просвѣщенномъ, гдѣ

„жизнь, честь и собственность „гражданина священны, требует„ся основательнаго разысканія „истины (112 — 114.)“ Монархиня исчисляетъ всѣ необходимыя осторожности въ судопроизводствѣ; опредѣляя случаи, въ которыхъ многія согласныя вѣроятности раждаютъ увѣреніе, отвергаетъ всѣ сомнительныя доказательства; ставитъ не ясное преступленіе еще наряду съ невинностію; щадитъ судимаго до послѣдней возможности оправданія, избавляя его отъ всѣхъ ужасовъ, предшедствующихъ наказанію, и страшнымъ вратамъ темницъ дозволяетъ отверзаться единственно для обличенныхъ (116 — 199). Съ какимъ трогательнымъ краснорѣчіемъ изображаетъ Она ужасъ сего варварскаго обыкновенія терзать людей прежде осужденія, сей адомъ вымышленный способъ допросовъ, страшнѣйшій самой казни, вину бечзисленныхъ ложныхъ показаній и неправед-

ныхъ приговоровъ (193 — 198)! Сердце всякаго чувствительнаго, содрогаясь вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ сердцемъ Монархини, увѣрено, что въ Ея царствованіе ни въ какомъ случаѣ не могло быть терпимо сіе лютое и безразсудное истязаніе.

Съ такимъ же Ангельскимъ человѣколюбіемъ судитъ Она то преступленіе, котораго имя всего страшнѣе въ Самодержавіяхъ — „*оскорбленіе Величества* — и ко„торое часто бываетъ предлогомъ „несправедливыхъ жестокостей, „единственно отъ темнаго и лож„наго понятія о существѣ онаго. „Такъ въ Римѣ наказывалось смер„тію неуваженіе ко статуямъ „Императора (475); такъ по „древнему закону Англіи надле„жало казнить врача, который бы „дерзнулъ сказать о больномъ „Королѣ, что жизнь его въ опас„ности (476).“ Монархиня говоритъ, что истинное оскорбленіе

Величества есть только злодѣйскій умыслъ противъ Государя (478); что не должно наказывать за слова какъ за дѣйствія (481); кромѣ случая, въ которомъ возмутитель проповѣдуетъ мятежъ и бунтъ, слѣдственно уже дѣйствуетъ (480); что слова всего болѣе подвержены изъясненіямъ и толкамъ; что безразсудная нескромность не есть злоба (481); что для самаго безумнаго поносителя имени Царей должно опредѣлить только исправительное наказаніе (482); что „въ самодержавномъ „государствѣ хотя и нетерпимы „язвительныя сочиненія, но что „ихъ не должно вмѣнять въ пре„ступленіе: ибо излишняя стро„гость въ разсужденіи сего бу„детъ угнетеніемъ разума, про„изводитъ невѣжество, отни„маетъ охоту писать и гаситъ „дарованія ума (484).“

Означивъ такимъ образомъ свойство и дѣйствіе законовъ,

Монархиня требуетъ отъ ихъ сочинителя ясности въ слогѣ, убѣдительной силы, доказательствъ пользы; они не терпятъ никакихъ излишнихъ тонкостей ума; будучи писаны для всего народа; они суть не логическія хитрости, но простое и здравое сужденіе отца, пекущагося о дѣтяхъ и домашнихъ своихъ; языкъ ихъ есть языкъ добродѣтели и благости; слогъ ихъ совершенъ не высокопарностію, не витійствомъ, но чистотою, благородствомъ, необходимостію каждаго слова. Они должны быть свѣтлымъ зерцаломъ, въ которомъ всякій гражданинъ, правый и неправый, видѣлъ бы ясно судьбу свою; чтобы добродушный судія не усомнился въ ихъ смыслѣ, и чтобы самый лукавый не могъ находить въ нихъ двусмыслія, благопріятнаго для ябеды и неправосудія (448 — 462).

Но ЕКАТЕРИНА не довольствуется тѣмъ, чтобы всѣ возможныя преступленія въ обществѣ были судимы и наказываемы по ихъ истинной важности: Она желаетъ отвратить зло. Солоны и Ликурги временъ грядущихъ! внимайте словамъ Ея! „Хотите ли „предупредить злодѣянія? сдѣлай„те, чтобы законы благотворили „равно всѣмъ гражданамъ; чтобы „люди страшились только зако„новъ, и ничего болѣе не стра„шились; чтобы законы уничто„жали только бѣдственную сво„боду вредить ближнему; награж„дайте добродѣтель, просвѣщай„те людей, усовершенствуйте „воспитаніе (243 — 249)!" ЕКАТЕРИНА открываетъ вамъ тайну человѣческаго сердца и государственнаго благополучія. Дайте способы человѣку въ каждомъ гражданскомъ отношеніи находить то щастіе, для котораго Всевышній сотворилъ людей; ибо главнымъ корнемъ злодѣяній бы-

ваетъ нещастіе. Но чтобы люди умѣли наслаждаться и быть довольными во всякомъ состояніи мудраго политическаго общества, то просвѣтите ихъ! Они увидятъ необходимость гражданской зависимости, необходимость моральнаго добра для щастія, и будутъ довольнѣе, добрѣе и щастливѣе!

Но просвѣщеніе требуетъ хорошаго воспитанія (548). Оно должно быть двоякое: нравственное воспитаніе человѣка, общее во всѣхъ странахъ, и политическое воспитаніе гражданина, различное по образу правленій. Религія, любовь къ добродѣтели, къ трудамъ, къ порядку, чувствительность къ нещастію ближнихъ, разсудительность или повиновеніе сердца уму, принадлежатъ къ первому; любовь къ отечеству, къ его учрежденіямъ и всѣ свойства, нужныя для ихъ цѣлости, входятъ во второе (551 —

352). Пусть Спартанецъ, или житель дикихъ Кантоновъ Гельвеціи не терпитъ самовластія! Въ Россіи, при самомъ начальномъ развитіи души, должно вкоренять въ человѣка благоговѣніе къ Монарху, соединяющему въ себѣ государственныя власти, и, такъ сказать, *образу отечества.* „Каждое особенное семейство должно „быть управляемо примѣромъ „большаго семейства (349)," которое есть государство. „Хотя „въ пространной Имперіи обще„ственное или народное воспита„ніе невозможно, однакожъ Законо„датель долженъ предписать нѣ„которыя правила, которыя мог„ли бы служить по крайней мѣрѣ „совѣтомъ для родителей (350)." Монархиня предписываетъ оныя — и Философъ, посвятившій всю жизнь свою на образованіе сердецъ, не могъ бы сказать ничего премудрѣе!

ЕКАТЕРИНА обращаетъ взоръ на три государственныя состоянія: земледѣльческое, торговое или ремесленное, и воинское. „Первое есть самое необходимое „и труднѣйшее: тѣмъ болѣе должно ободрять его (297).“ Монархиня ставитъ въ примѣръ обычай Китая, гдѣ Императоръ ежегодно возвышаетъ прилѣжнѣйшаго земледѣльца въ санъ Мандарина. Сообразуясь съ уставами нашего государства, Она предлагаетъ иные способы награды для тѣхъ, которые, потомъ лица своего ороша землю, извлекаютъ изъ нѣдръ ея истинныя сокровища людей, гораздо драгоцѣннѣйшія Перуанскаго злата и Бразильскихъ діамантовъ; „главное же „ободреніе сельскаго трудолюбія „есть, по словамъ Ея, право собственности: всякой печется о „своемъ болѣе, нежели о томъ, „что другому принадлежитъ, или „что другіе могутъ отнять у „него (295, 296).“ Ея человѣко-

любивое намѣреніе ясно (261); Ея желаніе также (260). Чувствуя, сколь нужно размноженіе народа для Россіи, ЕКАТЕРИНА спрашиваетъ: „Отъ чего болѣе половины младенцевъ, раждаемыхъ въ „нашихъ селахъ, умираетъ въ „дѣтствѣ?" Она угадываетъ источникъ сего страшнаго зла: „порокъ въ физическомъ воспитаніи и въ образѣ жизни. Люди, „не могущіе о самихъ себѣ имѣть „нужнаго попеченія въ болѣзняхъ, „могутъ ли имѣть хорошій присмотръ за слабыми существами, „находящимися въ безпрестанной „болѣзни, то есть во младенчествѣ? Какое щастіе для Россіи, „естьли найдется способъ отвратить такую гибель (266—276)!" Однимъ словомъ: Она хотѣла благоденствія земледѣльцевъ; хотѣла, чтобы, осыпанные изобиліемъ Природы, среди многочисленныхъ семействъ своихъ, они трудились для наслажденія, и подъ смиреннымъ кровомъ сельскихъ хижинъ,

гдѣ любитъ обитать спокойствіе, не завидовали великолѣпнымъ градскимъ палатамъ, гдѣ часто праздность и скука изнуряютъ сердце; Она хотѣла, чтобы трудолюбіе, зернистые класы, златыя нивы, полныя житницы, были для нихъ истинною роскошью!

Какъ отъ успѣховъ земледѣлія цвѣтутъ поля и селы, такъ *среднее политическое состояніе* украшаетъ грады (377). Обогащая государство торговлею и художествами, представляя ему новые источники общественнаго избытка и силы, оно не менѣе полезно и для успѣховъ земледѣлія, имѣя нужду въ его плодахъ, и щедро награждая за нихъ селянина (377). Премудрая чувствуетъ необходимость особенныхъ законовъ для градскихъ жителей, для опредѣленія ихъ правъ и выгодъ (393), для ободренія ихъ промышленности и трудолюбія. Каждая мысль Ея о семъ предметѣ есть важная

истина для Законодателей. „Тор-„говля бѣжитъ отъ притѣсненій, „и царствуетъ тамъ, гдѣ она „свободна; но свобода не есть „самовластіе торгующихъ. Въ „странахъ вольныхъ, на примѣръ „въ Англіи, они всего болѣе огра-„ничены законами (*); но зако-„ны сіи имѣютъ единственною „цѣлію общее благо торговли, и „купечество въ Англіи процвѣ-„таетъ (317 – 322)." – Сей же родъ людей прославляетъ государство науками (317), имѣющими вліяніе и на благо другихъ состояній.

Цвѣтущія села и грады должны быть безопасны отъ внѣшнихъ непріятелей, которые огнемъ и мечемъ могутъ превратить ихъ въ гробы богатствъ и людей:

(*) О свободѣ торговой можно сказать то же, что о свободѣ политической: она состоитъ не въ волѣ дѣлать все полезное одному человѣку, а въ волѣ дѣлать все не вредное обществу.

образуется воинское состояніе, училище Героевъ, древній источникъ гражданскихъ отличій, названныхъ правами благородства или дворянства (365). Гражданинъ, для общаго блага жертвующій не только спокойствіемъ жизни, но и самою жизнію, есть предметъ государственной благодарности; ея мѣра есть мѣра услугъ его. Герои, спасители отечества, были вездѣ первыми знаменитыми гражданами, пользовались вездѣ особенными правами (361). Но чѣмъ же наградить воина, умирающаго на полѣ славы? Народная признательность изобрѣла средство быть *вѣчною*, награждая отца въ сынѣ: почесть важнѣйшая мраморныхъ памятниковъ! И такъ право наслѣдственнаго благородства есть священное для самаго разсудка, для самой Философіи — и *полезное* для общества: ибо дѣти знаменитыхъ мужей, рожденные съ великими гражданскими преимуществами, воспиты-

ваются въ долгѣ заслужить ихъ личными своими достоинствами (374). Честь и слава, по словамъ безсмертнаго Монтескьё, есть сѣмя и плодъ дворянства. Хотя первымъ источникомъ онаго были издревле однѣ воинскія добродѣтели; но какъ правосудіе нужно не менѣе побѣдъ для государственнаго благоденствія, то оно также можетъ быть отличіемъ сего рода людей (368), сихъ главныхъ стражей отечества внѣ и внутри его. Но славныя права Дворянъ, ихъ не менѣе славныя обязанности всегда ли будутъ только жребіемъ нѣкоторыхъ щастливыхъ поколѣній? Нѣтъ; добродѣтель съ заслугою сообщаютъ благородство (363), вѣщаетъ ЕКАТЕРИНА — и такимъ образомъ открываетъ путь славы для всѣхъ состояній. Что можно пріобрѣсти достоинствами, то можно утратить пороками: Монархиня означаетъ тѣ и другіе. Естьли человѣкъ, который

долгое время былЪ для согражданЪ примѣромЪ моральнаго совершенства и любви кЪ отечеству, рукою Государя возводится на степень дворянства: то можно ли стоять на ней измѣннику, вѣроломному, лживому свидѣтелю? ОнЪ свергается вЪ толпу народную, гдѣ гражданское правосудіе знаменуетЪ его стыдомЪ и безчестіемЪ (371).

Глава о государственной Экономіи служитЪ наставленіемЪ для всѣхЪ МонарховЪ, утѣшеніемЪ для всѣхЪ гражданЪ, доказывая первымЪ, что они суть только хранители общественнаго сокровища, и могутЪ употреблять его единственно для блага народнаго; доказывая послѣднимЪ, что они, удѣляя Государю часть своего избытка, утверждаютЪ тѣмЪ собственное ихЪ благосостояніе; что они платятЪ дань не Государю, а самимЪ себѣ, или другЪ другу. Естьли пастыри и земледѣльцы

хотятъ, чтобы стада и поля ихъ были цѣлы, то нужно воинство для отраженія внѣшнихъ хищниковъ; естьли купечество желаетъ безопасности для кораблей своихъ, то надобенъ флотъ, готовый наказать дерзостнаго оскорбителя ихъ флаговъ. Внутренняя безопасность, полезныя заведенія, удобность пути для сообщенія людей, соединеніе рѣкъ, наконецъ самое великолѣпіе Двора, изображающаго величіе народа, — однимъ словомъ, всѣ предметы государственныхъ расходовъ имѣютъ въ предметѣ общую пользу (576 — 580). Но Монархиня желаетъ облегчить сію необходимость для народа, и предписываетъ Законодателю искать новыхъ, удобнѣйшихъ способовъ для раздѣленія налоговъ, сравнивая ихъ съ легкими парусами, долженствующими ускорять плаваніе корабля, а не бременить его (601). Самое же вѣрнѣйшее средство умножить государствен-

ныя богатства есть умножить народъ и привести въ цвѣтущее состоянiе: земледѣлiе, ремесла, торговлю, художества, науки (605 — 618).

Всякая часть законодательства представляется важною и спасительною подъ мудрымъ перомъ ЕКАТЕРИНЫ. Она первая изобразила всѣ великiя должности оберегательной власти или Благочинiя. Во многихъ земляхъ имя Полицiи означаетъ единственно наушниковъ Правительства, и ужасъ не только дурныхъ людей, но и самыхъ добрыхъ. Монархиня превращаетъ ее въ благодѣтельное Судилище нравовъ и порядка для всей Имперiи. Полицiя, соблюдая тишину, обуздываетъ вредную роскошь, старается искоренить, и даже предупреждать моральное зло, безчинство, обманы; печется о безопасности, физическомъ благосостоянiи народа, чистотѣ воздуха, здравой

нищѣ, твердости зданій, украшеніи градовъ и селъ, о пріятной удобности путешественниковъ, — наконецъ печется о бѣдныхъ и больныхъ. Сія дѣятельная часть Правительства, — сей, такъ сказать, неусыпный Аргусъ его, не присвоивая себѣ уголовнаго и гражданскаго суда, исправляетъ людей легкими наказаніями, и спасаетъ порокъ отъ преступленія (555 — 565).

Предложивъ въ семъ Наказѣ самую лучшую основу для политическаго образованія Россіи, ЕКАТЕРИНА заключаетъ его священными, премудрыми мыслями, которыя, подобно Фаросу, въ теченіе временъ должны остерегать всѣ Монархіи отъ политическаго кораблекрушенія. Сограждане! да обновится вниманіе ваше: се гласъ вѣчной Судьбы, открывающей намъ причину государственныхъ бѣдствій!

„Имперія близка къ своему „паденію, какъ скоро повреждаются ея начальныя основанія, „какъ скоро измѣняется духъ „Правленія, и вмѣсто равенства „законовъ, которое составляетъ „душу его, люди захотятъ личнаго равенства, несогласнаго „съ духомъ законнаго повиновенія; „какъ скоро престанутъ чтить „Государя, начальниковъ, старцевъ, родителей. Тогда государственныя правила называются „*жестокостію*, уставы *принужденіемъ*, уваженіе *страхомъ*. Прежде „имѣніе частныхъ людей составляло народныя сокровища; но „въ то время сокровище народное „бываетъ наслѣдіемъ частныхъ „людей, и любовь къ отечеству „исчезаетъ (502 — 506). — Что „истребило наши двѣ славныя „Династіи? говоритъ одинъ Китайскій Писатель: то, что онѣ, „не довольствуясь главнымъ надзираніемъ, единственно приличнымъ Государю, хотѣли управ-

„лять всѣмъ непосредственно, и „присвоили себѣ дѣла, которыя „должны быть судимы разными „государственными Правитель„ствами. Самодержавство разру„шается, когда Государи дума„ютъ, что имъ надобно изъ„являть власть свою не слѣ„дованіемъ порядку вещей, а „перемѣною онаго, и когда они „собственныя мечты уважаютъ „болѣе законовъ (510 — 511). — „Самое вышнее искусство Монарха „состоитъ въ томъ, чтобы „знать, въ какихъ случаяхъ дол„жно ему употребить власть „свою: ибо благополучіе Самодер„жавія есть отчасти кроткое и „снисходительное правленіе. На„добно, чтобы Государь только „ободрялъ, и чтобы одни законы „угрожали (513 — 515). Нещa„стливо то государство, въ ко„торомъ никто не дерзаетъ пред„ставить своего опасенія въ раз„сужденіи будущаго, не дерзаетъ „свободно объявить своего мнѣ-

„нія (517). — Все сіе не можетъ „понравиться ласкателямъ, ко- „торые безпрестанно твердятъ „земнымъ Владыкамъ, что наро- „ды для нихъ существуютъ. Но „*Мы думаемъ, и за славу Себѣ* „*вмѣняемъ сказать, что Мы жи-* „*вемъ для нашего народа.* Сохрани „Боже, чтобы, по совершеніи сего „законодательства, какой нибудь „народъ на землѣ былъ щастли- „вѣе Россійскаго! Тогда не испол- „нилось бы намѣреніе Нашихъ за- „коновъ: — нещастіе, до котораго „Я дожить не желаю (520)!"

Я вѣрю своему сердцу: ваше конечно то же чувствуетъ. . . . Сограждане! сердце мое трепещетъ отъ восторга: удивленіе и благо- дарность производятъ его. Я лобы- заю Державную руку, которая, подъ божественнымъ вдохновені- емъ души, начертала сіи священ- ныя строки! Какой Монархъ на тронѣ дерзнулъ — такъ, *дерзнулъ* объявить своему народу, что слава

и власть Вѣнценосца должны быть подчинены благу народному; что не подданные существуютъ для Монарховъ, но Монархи для подданныхъ? Мы удивляемся Философу, который проповѣдуетъ Царямъ ихъ должности; но можно ли сравнять его смѣлость съ великодушіемъ самодержавной ЕКАТЕРИНЫ, Которая, утверждая престолъ на благодарности подданныхъ, торжественно признаетъ Себя обязанною заслуживать власть Свою? Ядовитая лесть, которая вьется и шипитъ вокругъ Государей, могла ли уязвить такое героическое сердце? Нѣтъ! гнусное насѣкомое, пресмыкаясь во прахѣ, не ужалитъ орла, подъ небесами парящаго!... И сіе великое движеніе пылкой души, сіи въ восторгѣ произнесенныя слова: „сохрани Боже! что„бы какой нибудь народъ былъ „щастливѣе Россійскаго!" не суть ли изліяніе и торжество страстной добродѣтели, которая,

избравъ себѣ предметъ въ мірѣ, стремится къ нему съ пламенною ревностію, и самую жизнь въ разсужденіи его ни за что считаетъ? Такъ, ЕКАТЕРИНА презрѣла бы скипетръ Царскій, свергла бы вѣнецъ съ главы Своей, возненавидѣла бы власть Свою, естьли бы они не служили Ей средствомъ ощастливить Россіянъ!

Ея Наказъ долженствовалъ быть для Депутатовъ Аріадниною нитью въ лавиринѳѣ государственнаго законодательства; но онъ, открывая имъ путь, означая все важнѣйшее на семъ пути, содержитъ въ своихъ мудрыхъ правилахъ и душу главныхъ уставовъ, политическихъ и гражданскихъ, подобно какъ зерно заключаетъ въ себѣ видъ и плодъ растѣнія.

Уже Депутаты Россійскіе сообщали другъ другу свои мысли

о предметахъ общаго Уложенія, и жезлъ Маршала гремѣлъ въ торжественныхъ ихъ собраніяхъ. ЕКАТЕРИНА невидимо внимала каждому слову, и Россія была въ ожиданіи.... Но Турецкая война воспылала, и Монархиня обратила Свое вниманіе на внѣшнюю безопасность государства.

Сограждане! принесемъ жертву искренности и правдѣ; скажемъ — что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства. Да не оскорбится тѣмъ справедливая гордость народа Россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? И мудрость Ликурговъ была ли когда нибудь общею? Не всегда ли великое искусство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ избраннымъ Душамъ?

Оставляя суевѣрныя преданія древности о Нимфахъ Эгеріяхъ, можемъ согласиться, что Нумы всѣхъ вѣковъ имѣли нужду въ чрезвычайныхъ откровеніяхъ Генія. Сколько мудрости потребно Законодателю? Сколь трудно знать человѣческое сердце, предвидѣть всѣ возможныя дѣйствія страстей, обратить къ добру ихъ бурное стремленіе, или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу съ общею; наконецъ — послѣ высочайшихъ умозрѣній, въ которыхъ духъ человѣческой, какъ древле Моисей на горѣ Синайской, съ невидимымъ Божествомъ соединяется — спуститься въ обыкновенную сферу людей, и тончайшую Метафизику преобразить въ уставъ гражданской, понятный для всякаго!

Но собраніе Депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли Монархинѣ источникъ разныхъ

злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю Свою, почтивъ народъ довѣренностію, увѣривъ его такимъ опытомъ въ Ея благотворныхъ намѣреніяхъ, Она рѣшилась Сама быть законодательницею Россіи. — —

Едва умолкли громы войны, въ самый первый годъ щастливаго мира ЕКАТЕРИНА обнародовала новое Учрежденіе для Губерній, которое составляетъ вторую важную эпоху въ Ея правленіи, и которое, мало по малу, удивительнымъ образомъ преобразило Россію какъ въ умахъ, такъ и во нравахъ.

Государства, подобно человѣку, имѣютъ разные моральные возрасты: мудрый Законодатель слѣдуетъ взоромъ своимъ за ихъ измѣненіями, и отъ времени до времени обновляетъ систему свою, прибавляя или иначе располагая части ея. Что въ вѣкъ Петра

Великаго было достаточно для скораго производства дѣлъ, то во дни ЕКАТЕРИНЫ уже не отвѣтствовало новымъ потребностямъ Россіянина. Сограждане! опытъ и размышленіе открываютъ намъ сію любопытную истину: „что быстрые шаги человѣка къ Философіи и къ гражданскому совершенству *до нѣкотораго отдаленія* бываютъ самые „безпокойные." Разумъ, помраченный невѣжествомъ, есть тихое, заросшее травою блато, которого сонныя воды не знаютъ никакого бурнаго волненія; но первые лучи Философіи, пробуждая мысленную силу, раждаютъ сомнѣніе за сомнѣніемъ, которыя волнуютъ душу въ Океанѣ неизвѣстности: время заблужденій и дерзкихъ системъ! Но вихрь наконецъ утихаетъ, и разумъ, обогащенный идеями, находитъ для себя щастливую пристань, гдѣ тишина и мирныя наслажденія ожидаютъ его. Такъ и въ

гражданскихъ обществахъ. Легко Законодателю управлять народомъ грубымъ и полудикимъ, котораго нужды, идеи и страсти малочисленны, котораго душа недѣятельна и разумъ дремлетъ. Тогда новый гражданинъ въ случаѣ обиды скорѣе прибѣгнетъ къ человѣческой управѣ, нежели къ гражданской; тогда бываетъ болѣе ссоръ, нежели дѣлъ тяжебныхъ. Но когда гражданинъ, такъ сказать, *осмотрится* въ политическомъ обществѣ; когда, узнавъ новыя потребности, новыя выгоды стяжанія, онъ уже привыкнетъ ко власти законовъ, *отнимающихъ* и *дающихъ*: тогда раждается охота къ тяжбамъ, раждается ябеда, сія *хитрость простыхъ*, которая, безпокоя другихъ, сама себя изнуряетъ, и стремясь къ неправымъ пріобрѣтеніямъ, ведетъ за собою разореніе. Дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія исцѣляютъ гражданина отъ сей болѣзни, открывая каж-

дому пользу справедливости, честности и мирной жизни; но пока сія щастливая премѣна не совершится, Законодатель умножаетъ способы правосудія для скорѣйшаго успокоенія невинности и наказанія ябедника. Со временъ Петра Великаго до царствованія ЕКАТЕРИНЫ число тяжебныхъ дѣлъ безпрестанно возрастало, и Монархиня должна была установить новыя судилища (*).

Но творенія великихъ умовъ, подобно твореніямъ Природы, не ограничиваются благомъ единаго рода, и новое Учрежденіе ЕКАТЕРИНЫ представляетъ намъ въ своемъ намѣреніи различныя пользы для Россіи. Одна изъ великихъ мыслей сего Учрежденія есть ввести въ правленіе всѣ три гражданскія состоянія, пріучить людей къ законовѣдѣнію, утвердить правосудіе на собственномъ ихъ благѣ. Всякой можетъ быть судi-

(*) См. Манифестъ при Учрежденіи.

ею для равныхъ ему, и долженъ знать уставы государственные; всякой для своей безопасности избираетъ достойнѣйшаго, поручая ему нѣкоторымъ образомъ жребій свой; всякой, зная тяжбу, знаетъ и судящихся, будучи товарищемъ ихъ въ гражданской жизни; всякой боится употребить во зло общую довѣренность, ибо чрезъ три года возвратится онъ въ состояніе частнаго гражданина, и будетъ наказанъ общимъ презрѣніемъ, естьли не исполнитъ обязанностей чести.

Монархиня повелѣла — и Россія, дотолѣ не соразмѣрная въ частяхъ своихъ, подобно дикому произведенію Натуры или слѣпаго случая, пріяла видъ гармоническаго размѣра, подобно творенію совершеннаго Искусства; части сравнялись между собою, и каждая Губернія ограничилась удобнѣйшимъ для нее пространствомъ. Монархиня повелѣла — и гласъ Ея, какъ лира Амфіонова, тво-

ритъ новые грады, естьли не великолѣпіемъ художества, то своею пользою украшенные. Уже земледѣлецъ не принужденъ на долго разставаться съ мирными Пенатами, чтобы въ отдаленіи искать защиты отъ притѣснителя, суда на хищнаго сосѣда, или потребностей для жизни своей. Уже каждое селеніе означаетъ близость города, гдѣ правосудіе беретъ подъ свою эгиду пастыря и оратая; гдѣ торговля удовлетворяетъ ихъ главнымъ потребностямъ, и гдѣ свободно мѣняются они плодами трудовъ своихъ. Благоразумный Политикъ видитъ въ начальномъ недостаткѣ сихъ юныхъ заведеній будущіе ихъ успѣхи и богатство. Такъ юное древо, съ трудомъ пробиваясь сквозь твердыя глыбы земли, едва, едва примѣтно на ея зеленой поверхности; но время возвышаетъ его — и величественный дубъ осѣняетъ землю.

Сiи округи, заключая въ средоточiи своемъ столицу Губернiи, которая управляетъ ихъ политическими дѣйствiями, представляютъ образъ различныхъ семействъ подъ начальствомъ единаго, главнаго, и Государевъ Намѣстникъ имѣлъ прiятную власть отца (*). *Ходатай за пользу общую и государственную, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ, но не судiя,* онъ наблюдалъ теченiе правосудiя, движенiе вѣсовъ его, и могъ остановить беззаконiе, относясь или въ Сенатъ, или къ Самой Монархинѣ; *пресѣкалъ всякаго роду злоупотребленiя, излишнюю роскошь, тиранство и жестокости. Доброхотство и любовь къ народу* долженствовали быть его главнымъ свойствомъ (**). — Монархическое Правленiе требуетъ такого соединенiя

(*) Сiя благодѣтельная должность есть нынѣ должность Губернаторовъ.
(**) См. Учрежденiе.

блюстительныхъ властей въ одномъ человѣкѣ, для храненія порядка въ разныхъ удѣлахъ государства — и когда Франція вышла изъ бурнаго хаоса безначалія и снова заняла мѣсто свое между Европейскими Державами, тогда хитрый властелинъ ея, наученный опытностію, долженъ былъ для лучшаго благоустройства установить Префектовъ, которые суть ни что иное, какъ Намѣстники Государевы.

Учрежденіе Губернскаго Правленія было совсѣмъ новое и безпримѣрное въ Россіи: мѣсто ограниченное исполнительною властію, безъ всякой судебной. Монархиня чувствовала, сколь нужно отдѣлить сію власть, чтобы главное мѣсто въ Губерніи не присвоило себѣ опаснаго самовластія; и такимъ образомъ оно не можетъ предписать рѣшенія нижнимъ Судамъ, которые въ совершенной свободѣ дѣйствуютъ по уставамъ;

но требуетъ отъ нихъ скорости, наказываетъ пенею нерадивую медленность, и въ случаѣ неисправленія предаетъ виновнаго законамъ; слѣдственно имѣетъ всѣ способы благотворить обществу, не вмѣшиваясь въ права Судейскія.

Прежде въ Губернскихъ и градскихъ судилищахъ соединялись дѣла всякаго роду, и своимъ множествомъ, своимъ разнообразіемъ затрудняли ихъ: Монархиня отличила гражданскія отъ уголовныхъ, частныя отъ государственныхъ, и предписала имъ особенный путь, какъ для скорѣйшаго, такъ и для лучшаго производства: ибо единство упражненій научаетъ Судію быстрому соображенію обстоятельствъ и вѣрнѣйшимъ способамъ открывать истину. Два Департамента Магистратовъ, Верхнихъ Расправъ и Земскихъ Судовъ, Уголовная и Гражданская Палаты, образуютъ двѣ нити правосудія, которыя

соединяются между собою только въ дѣлахъ смѣшенныхъ или двоякихъ. Сіи Палаты, имѣя права Коллегій, судятъ въ средоточіи Губерніи; нѣтъ дальнихъ переносовъ; всѣ нужныя объясненія могутъ быть доставляемы скоро, и медленность, первое зло по неправдѣ, пресѣкается. — Государственныя пользы, ввѣренныя Казенной Палатѣ (которая дѣйствуетъ, такъ сказать, на мѣстѣ, знаетъ обстоятельства, знаетъ особенныя выгоды своей Губерніи, и не развлекается уже никакими другими предметами) составили лучшую систему хозяйства; Казна обогатилась новыми доходами и вѣрнѣйшимъ сборомъ прежнихъ.

Дворянская Опека и Сиротскій Судъ, которые, подобно небесному Провидѣнію, пекутся о беззащитныхъ младенцахъ и вдовахъ — Общественное Призрѣніе, которое благотворитъ нещаст-

нымъ жертвамъ бѣдности и недуговъ, воспитываетъ сирыхъ, управляетъ работными *домами* (гдѣ бѣдный гражданинъ, лишенный всего, кромѣ силъ, трудами своими живетъ и другимъ пользу приноситъ) мѣстами наказанія, или, лучше сказать, исправленія гражданскихъ пороковъ — и наконецъ Совѣстный Судъ, который есть *человѣколюбіе правосудія* (божественная и безпримѣрная мысль въ законодательствѣ!) останутся въ Россіи вѣчнымъ памятникомъ того, что нѣкогда Добродѣтель въ лицѣ Монархини управляла ею.

Политическое и моральное дѣйствіе такого новаго, всеобъемлющаго Учрежденія долженствовало скоро означиться въ государствѣ.

Многочисленное Россійское Дворянство со временъ Петра Великаго служило мечемъ отече-

ству до изнеможенія силЪ своихЪ; тогда подЪ знаменами воинскими, вЪ шумныхЪ лагеряхЪ, среди опасностей и сраженій, надлежало искать почтенныхЪ сыновЪ Россіи. Великій ИмператорЪ, образуя армію, хотѣлЪ, чтобы отличенные гражданскими правами отличались ревностію и служили до послѣдней возможности; необходимость сего требовала. Но обстоятельства перемѣнились. Уже Россія могла обойтися безЪ сего принужденія, и ПетрЪ III заслужилЪ благодарность Дворянства, оказавЪ довѣренность кЪ его свободной патріотической ревности. СЪ того времени провинціи и села оживились присутствіемЪ многихЪ благородныхЪ, которые могли сЪ честію оставить воинскую службу; они вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь; хозяйство и ловля звѣрей, которая пріятнымЪ образомЪ напоминала имЪ воинскую дѣятельность, были един-

ственнымъ ихъ занятіемъ. Россія, особливо въ отдаленныхъ частяхъ своихъ, представляла картину *феодальныхъ* вѣковъ Европы, когда всякой владѣлецъ казался отдѣленнымъ отъ государства составомъ; и естьли бы тяжбы, раждаемыя грубымъ корыстолюбіемъ, и самою праздностію, не давали иногда чувствовать нашимъ Дворянамъ зависимости ихъ отъ Правленія, то они могли бы нѣкоторымъ образомъ забыть отношенія гражданина къ государству. Такое состояніе конечно не благопріятствовало духу общественности и патріотизма.

Но открытіе Намѣстничествъ открыло Дворянамъ новое поле дѣятельности, вывело ихъ изъ произвольнаго заточенія, соединило въ общество, болѣе познакомило между собою и возвысило цѣну добраго мнѣнія о человѣкѣ. Прежде любопытные иностранцы находили въ Россіи пустые, уны-

лые города, гдѣ пять или шесть Судей составляли все общество; но теперь въ каждой Губерніи находятъ они цвѣтущую столицу, украшенную новыми зданіями, оживленную присутствіемъ многочисленнаго Дворянства, которое призываетъ ихъ къ весельямъ лучшихъ Европейскихъ городовъ, и своимъ пріятнымъ гостепріимствомъ, ласковою учтивостію доказываетъ имъ, что обширныя степи и лѣса не служатъ въ Россіи преградою для успѣховъ свѣтской людскости.

Прежде какая-то грубая, восточная пышность отличала богатыхъ Дворянъ въ провинціяхъ: теперь общій вкусъ въ жизни сближаетъ состоянія, безъ роскоши украшаетъ посредственность, и самому недостатку даетъ видъ довольства.

Прежде Дворяне наши гордились какою-то, можно сказать,

дикою независимостію въ своихъ помѣстьяхъ: теперь, избирая важныя судебныя власти, и чрезъ то участвуя въ правленіи, они гордятся своими великими государственными правами, и благородныя сердца ихъ болѣе нежели когда нибудь любятъ свое отечество.

Прежде чадолюбивый родитель, удаленный отъ столицы, въ сельскомъ уединеніи не имѣлъ средства достойнымъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей: теперь въ новомъ порядкѣ вещей нашелъ онъ болѣе возможности образовать умъ и сердце ихъ. Пребываніе многихъ дворянскихъ семействъ въ Губернскихъ городахъ и старанія Правительства способствовали вездѣ заведенію благородныхъ училищъ.

Сія перемѣна, столь благопріятная для государственнаго просвѣщенія, не имѣла вреднаго

дѣйствія и на сельское хозяйство. Великая Законодательница все предвидѣла, и почти для всѣхъ Дворянъ, избираемыхъ въ должность, назначила мѣсяцы отпусковъ, въ самое то время, когда сельскія работы требуютъ глазъ помѣщика. Ссылаясь на опытъ, спрашиваю: не процвѣло ли въ наше время и самое земледѣліе въ Россіи? Сіе изъясняется двумя причинами: вопервыхъ открылись новые способы для торговли, всегда имѣющей вліяніе на хлѣбопашество; вовторыхъ Дворяне, чрезъ взаимное сообщеніе свѣдѣній, узнали лучшія методы земледѣлія, и старинныя предразсужденія (ибо оно также имѣетъ ихъ) уступили мѣсто новѣйшимъ полезнымъ опытамъ.

Дерзну ли еще сказать истину? Новое Учрежденіе пресѣкло многія злоупотребленія господской власти надъ рабами, поручивъ ихъ судьбу особенному вниманію

Намѣстника. Сіи гнусные, но къ утѣшенію добраго сердца малочисленные тираны, которые забываютъ, что быть господиномъ есть, для истиннаго Дворянина, быть отцемъ своихъ подданныхъ, не могли уже тиранствовать во мракѣ; лучь мудраго Правительства освѣтилъ ихъ дѣла; страхъ былъ для нихъ краснорѣчивѣе совѣсти, и судьба подвластныхъ земледѣльцевъ смягчилась. Но чувствительное и патріотическое сердце желало бы еще найти другую, утѣшительнѣйшую причину такой благой перемѣнѣ — и для чего, сверхъ боязни, не признать намъ въ семъ случаѣ и спасительное дѣйствіе лучшей нравственности?

Чрезъ умноженіе *окружныхъ* городовъ умножилось купечество, и процвѣло чрезъ многолюдство *Губернскихъ*, которыхъ торжища скоро представили богатое собраніе плодовъ Россійской и чуже-

земной промышленности. Самые нравы торговыхъ людей, отъ многихъ и близкихъ сношеній съ Дворянствомъ болѣе просвѣщеннымъ, утратили прежнюю свою грубость; и богатый купецъ, видя предъ собою образцы въ лучшемъ искусствѣ жизни, непримѣтно заимствовалъ вкусъ и свѣтскую обходительность.

Земледѣльцы, сельскою добродѣтелію отъ плуга на ступени Ѳемидина храма возведенные, судьи себѣ подобныхъ, долженствовали съ пріобрѣтеніемъ такихъ новыхъ правъ возвыситься въ духѣ своемъ, узнать лучше гражданскую жизнь и законы, служащіе ей основаніемъ; долженствовали, возвращаясь подъ домашній кровъ свой, быть опытными совѣтниками и миротворцами поселянъ.

Установленію сельскаго Благочинія обязаны мы безопасностію

дорогъ и уменшеніемъ всякаго рода безпорядковъ. Давно ли еще путешественникъ трепеталъ грозныхъ лѣсовъ Россіи? Давно ли внезапный шумъ листьевъ ужасалъ его сердце? Давно ли дикіе, уединенные гроты были вертепомъ разбойниковъ? Но дѣятельная новая власть проникла въ самую непроницаемость древнихъ лѣсовъ, въ сіе отечество злодѣевъ; истребила ихъ тайныя убѣжища, и обнимая всемѣстность взоромъ своимъ, препятствуетъ самому зарожденію опасныхъ скопищъ. Теперь путешественникъ не страшится ничего въ обширныхъ предѣлахъ Россіи; теперь подъ щитомъ невидимой власти безпечно и спокойно углубляется онъ въ самыя дикія мѣста, и отечество наше есть для него самая безопаснѣйшая страна въ Европѣ.

Сограждане! я означилъ только главныя дѣйствія сего Учре-

жденія ЕКАТЕРИНЫ, дѣйствія уже явныя; но еще многія хранятся въ урнѣ будущаго, или въ началѣ своемъ менѣе примѣтны для наблюдателя. Оно, необходимо просвѣщая народъ, окажется тѣмъ благодѣтельнѣе въ слѣдствіяхъ, чѣмь народь будетъ просвѣщеннѣе.

Но при концѣ сего начертанія взоръ мой невольно устремляется на всю неизмѣримую Имперію, гдѣ столько морей и народовь волнуется, гдѣ столько климатовъ цвѣтетъ или свирѣпствуетъ, гдѣ столько необозримыхъ степей разстилается, и столько величественныхъ горъ бросаетъ тѣнь на землю! Я воображаю сіи едва вообразимыя пространства со всѣми ихъ жителями, и думаю: „ЕКАТЕРИНА, „подобно Божеству, согласила все „*словомъ* Своимъ; отдаленные бе„рега Ледовитаго моря представ„ляютъ тоть же государствен-

„ный порядокъ, которому на бре-
„гахъ величественной Волги или
„Невы удивляемся; народы, столь
„различные, правятся единымъ
„уставомъ; части, толь несход-
„ныя, всеобщимъ Учрежденіемъ
„Монархини приведены въ цѣлое,
„и безчисленныя страны Россій-
„скія составили разныя семейства
„единаго отечества!" Сія мысль
восхищаетъ духъ мой!

Какъ искусный художникъ, сотворивъ хитрое орудіе, и приводя его въ движеніе, еще не опускаетъ творческой руки своей, но внимательно наблюдая, прибавляетъ, чего недостаетъ къ совершенству онаго: такъ Великая ЕКАТЕРИНА, исполнивъ мудрое Свое Учрежденіе, еще не успокоилась отъ трудовъ законодательныхъ, но спѣшила увѣнчать ихъ новыми.

Уставъ Градскаго Благочинія (*) содержитъ въ себѣ не

(*) Обнародованный въ 1782 году, Апр. 8.

только всѣ способы внѣшняго порядка и безопасности, но и самыя святѣйшія правила общественной Морали, столь любезной добродѣтельному сердцу Монархини. Такъ называемое *Зерцало Благочинія* есть зерцало всѣхъ взаимныхъ гражданскихъ обязанностей, предложенныхъ съ тою ясною кратkостію, которая должна быть характеромъ законовъ, и которая столь неплодовита словами, столь мыслями и отношеніями богата. Оно даетъ Полиціи священныя права Римской Цензуры; оно предписываетъ ей не только устрашать злодѣйство, но и способствовать благонравію народа, питать въ сердцахъ любовь къ добру общему, чувство жалости къ нещастному: сіе первое движеніе существъ моральныхъ, слабыхъ въ уединеніи и сильныхъ только взаимнымъ между собою вспоможеніемъ; оно предписываетъ ей утверждать миръ въ семействахъ, основанный на добродѣтели

супруговъ, на любви родительской, и неограниченномъ повиновеніи дѣтей (*): ибо *миръ въ семействахъ есть миръ во градѣ*, по словамъ древняго Философа. Однимъ словомъ: Монархиня превратила въ законъ мысли Наказа Ея о семъ предметѣ, и никакое другое государство не имѣетъ столь мудраго и совершеннаго Полицейскаго Устава.

Начало Дворянства нашего теряется во мракѣ вѣковъ. Благородные Россіяне были конечно прежде сердцемъ и душею, нежели именемъ благородные. Мало по малу, въ теченіе временъ, дѣлами знаменитые роды составили въ нашемъ отечествѣ первую ограду Трона, и особенное сословіе подъ названіемъ Дворянскаго. Награжденные отъ Государей помѣстьями, они имѣли право умножать ихъ куплею, и сверхъ того зани-

---

(*) См. Зерцало Благочинія.

мать первыя мѣста какъ въ гражданскомъ, такъ и въ воинскомъ порядкѣ. Петръ III даровалъ имъ вольность: ЕКАТЕРИНА распространила ихъ политическія дѣйствія; но еще недоставало полнаго изображенія правъ Дворянскихъ, утвержденнаго Монаршею властію и торжественно преданнаго вѣкамъ въ образѣ священнаго монумента. ЕКАТЕРИНА обнародовала *Грамоту Дворянства*, гдѣ, представляя въ блестящей картинѣ всѣ заслуги его, представляетъ Она и всѣ награды, которыми отечество изъявило ему свою признательность. Монархиня именемъ Неба скрѣпляетъ святость, вѣчность и непоколебимость сихъ преимуществъ . . . . .

Здѣсь обращаюсь къ вамъ, мои собратія, благородные сыны Россіи, потомки мужей именитыхъ! и мысленно развертывая предъ вами сію государственную хартію, на которой сіяютъ всѣ

великія права Дворянства, вопрошаю: чего недостаетъ къ совершенству нашего гражданскаго благоденствія? какихъ выгодъ можемъ еще желать? кому завидовать? Мы свободны! судимы только равными себѣ! боимся однихъ законовъ! имѣемъ голосъ въ Имперіи, и Монархъ внимаетъ ему! Наша собственность неотъемлема; достоинство родовъ и право наслѣдства сохранены, но мы по волѣ располагаемъ пріобрѣтеніями. Земля, которою владѣемъ, для насъ отверзаетъ нѣдра свои и тайныя сокровища; для насъ текутъ воды въ ея пространствѣ! И естьли нѣкоторыя особенныя склонности влекутъ насъ въ климаты чуждые; естьли полезное любопытство наше требуетъ себѣ новой пищи; естьли кроткое небо южной Европы обѣщаетъ намъ лучшее здравіе: мы свободны! Дворянинъ Россійской есть гражданинъ вселенныя; нѣтъ преграды для путей его. Но и тамъ,

въ странахъ отдаленныхъ, отечество не престаетъ намъ благодѣтельствовать; и тамъ мы наслаждаемся плодами нашей собственности, въ нѣдрахъ его оставленной; оттуда располагаемъ ею, и внѣ Россіи живемъ Россіею (*)! Но естьли полная мѣра политическаго благоденствія есть наша доля, то будемъ же признательны, и не забудемъ, что великія отличія приносятъ съ собою и великія должности; что благородный есть или человѣкъ добродѣтельный, или поношеніе своего рода; что быть полезными есть первая наша обязанность, и что истинный Россійскій Дворянинъ не только посвящаетъ жизнь отечеству, но готовъ и смертію доказать безпредѣльную любовь свою къ его благу!

ЕКАТЕРИНА, возобновивъ или умноживъ права наши, въ тоже

(*) См. Дворянскую Грамоту, подписанную въ 1785 году, 21 Апр.

время обнародовала и *Городовое Положеніе*, которое навѣки утвердило *среднее состояніе* въ Россіи, опредѣливъ сферу дѣйствій его, и назначивъ въ ней разныя степени, увѣнчанныя наконецъ титломъ Именитаго Гражданина, который имѣетъ уже часть Дворянскихъ преимуществъ; и даетъ внуку своему право требовать сего достоинства. Каждая новая степень приноситъ съ собою новыя выгоды для общежитія; открываетъ вблизи еще важнѣйшія; возбуждаетъ ревность къ трудамъ, ревность къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, и питая честолюбіе, способствуетъ государственному благу. Монархиня знала человѣческое сердце и тайну гражданскихъ обществъ; знала, что самые легкіе виды отличія производятъ дѣла важныя; знала, что всѣ государственныя сословія, возвышаясь одно предъ другимъ, должны имѣть нѣкоторую связь — и такимъ образомъ Дворянинъ уже

уже подаетъ руку Именитому Гражданину, который, переходя наконецъ въ санъ благородныхъ, оставляетъ за собою лѣствицу для другихъ ему подобныхъ. Естьли иностранные Писатели донынѣ говорятъ, что въ Россіи нѣтъ *средняго состоянія*, то пожалѣемъ о ихъ дерзкомъ невѣжествѣ; но скажемъ, что ЕКАТЕРИНА даровала сему важному состоянію истинную политическую жизнь и цѣну; что всѣ прежнія его установленія были недостаточны, не тверды и не образовали полной системы; что Она первая обратила его въ государственное достоинство, которое основано на *трудолюбіи* и *добрыхъ нравахъ*, и которое можетъ быть утрачено пороками (*); что Она первая поставила на главную степень его цвѣтъ ума и талантовъ: мужей просвѣщенныхъ науками, украшенныхъ изящными дарова-

(*) См. Городовое-Положеніе.

ніями (*), и чрезъ то утвердила закономъ, что государство, уважая общественную пользу трудолюбіемъ снисканныхъ богатствъ, равномѣрно уважаетъ и личные таланты, и признаетъ ихъ нужными для своего благоденствія.

Такимъ образомъ Монархиня производила въ дѣйство великія идеи своего Наказа; такимъ образомъ Ея собственная мудрая рука постепенно образовала полную государственную систему Монархической Россіи, согласную съ истиннымъ щастіемъ *человѣка*, слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ *раба*, которымъ прежде гражданинъ назывался въ отечествѣ нашемъ, и которое навсегда уничтожилось ЕКАТЕРИНОЮ (**). Глубокомысленный Политикъ и Философъ видитъ

(*) Ученые и художники по сему закону имѣютъ право на достоинство Именитыхъ Гражданъ.

(**) Указомъ 1786 года, Февраля 19.

предъ собою величественное, огромное зданіе, которое всякою частію удивляетъ разумъ, свидѣтельствуетъ мудрость зодчаго, и должно повелѣвать вѣками. Естьли Великая не совершила его .... пожалѣемъ о краткомъ вѣкѣ смертнаго! Когда бы Монархи были только Законодателями, то ЕКАТЕРИНА безъ сомнѣнія успѣла бы образовать Россію совершенно; но труды ихъ столь безчисленны, столь разнообразны, что умъ обыкновенный теряется въ сей необозримости. Внѣшняя Политика, внутреннее правленіе, трудное и на многіе предметы обращенное правосудіе, занимая всю душу, истощаютъ ея дѣятельность, которая, укрываясь въ частяхъ своихъ отъ глазъ Историка, не менѣе нужна и спасительна для государствъ; и которая, подобно тонкимъ, едва замѣтнымъ нитямъ ручейка, мало по малу образующимъ свѣтлую рѣку, обращаетъ на себя вниманіе

наблюдателя только чрезъ большее пространство времени, представляя картину народнаго щастія, удовольствія и порядка (*).

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Монархиня давала законы, Мать подданныхъ благотворила полезными учрежденіями.

Сограждане! сей огромный Домъ, который украшаетъ древнюю столицу Россійскую, величественно осѣняя рѣку ея — сей Домъ, предметъ удивленія Европы, всѣхъ любопытныхъ чужеземцевъ, всѣхъ друзей человѣчества — есть храмъ,

---

(*) Я не могу говорить здѣсь о всѣхъ Указахъ ЕКАТЕРИНЫ: на примѣръ, о межеваніи, о фабрикахъ, о таможняхъ, о рудокопняхъ, о почтѣ, о сборѣ податей, о банкахъ, и проч. Всѣ они доказываютъ Ея попечительность о пользѣ государства и гражданъ.

посвященный ЕКАТЕРИНОЮ Милосердію! Тамъ нещастные младенцы, жертвы бѣдности или стыда — не радость, но ужасъ родителей въ первую минуту бытія своего; отвергаемые міромъ при самомъ ихъ вступленіи въ міръ; невинные, но жестоко наказываемые Судьбою — пріемлются во святилище добродѣтели, спасаются отъ бури, которая сокрушила бы ихъ на первомъ дыханіи жизни; спасаются и — что еще болѣе — спасаютъ, можетъ быть, родителей отъ адскаго злодѣянія, къ нещастію не безпримѣрнаго! находятъ человѣколюбивое призрѣніе; не только кровъ и пищу, но и всѣ лучшіе, мудрою благостію вымышленные способы укрѣплять ихъ здравіе, образовать душу, предупреждать физическое и моральное зло. Тамъ всегдашнія, трогательныя попеченія небесной благодѣтельности не уступаютъ самымъ нѣжнѣйшимъ родительскимъ попеченіямъ,

и осыпая цвѣтами колыбель младенцевъ, скрываютъ отъ сиротъ нещастіе сиротства; тамъ кроткая улыбка добродушной Надзирательницы замѣняетъ для юныхъ сердецъ щастливую улыбку матери; тамъ благоразумный Надзиратель заступаетъ мѣсто отца, и пріучая ихъ къ трудолюбію, къ порядку, готовитъ въ нихъ отечеству полезныхъ гражданъ. Искусные въ художествахъ и ремеслахъ, которыя дѣлаютъ человѣка независимымъ властелиномъ жизни своей, сіи питомцы Монаршей щедроты выходятъ въ свѣтъ, и послѣдній даръ, ими изъ рукъ Ея пріемлемый, есть — гражданская свобода. Они выходятъ, обогащенные средствами устроить себѣ пріятную долю въ обществѣ, которое ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ и, такъ сказать, разсыпаетъ предъ ними свои жребіи; они избираютъ — и сей, нѣкогда отверженный младенецъ, спасенный Монаршимъ

провидѣніемъ отъ вѣрной гибели, есть теперь надежный помощникъ Именитаго Гражданина въ дѣлахъ торговыхъ, или примѣръ искуснаго ремесленника, или исправный письмоводитель въ домѣ вельможи. — Трудолюбивый мѣщанинъ среди воспитанницъ Сиротскаго Дому находитъ себѣ подругу, наученную всѣмъ женскимъ работамъ и правиламъ хозяйства.

Да скажутъ тѣ, которые путешествовали въ странахъ чуждыхъ, и вездѣ искали знаковъ человѣколюбиваго Правленія — да скажутъ они, гдѣ представлялось взору ихъ нѣчто подобное Сиротскому Дому ЕКАТЕРИНЫ? Какое другое благодѣтельное заведеніе можетъ равняться съ нимъ обширностію плана, богатымъ основаніемъ, порядкомъ, а всего болѣе успѣхомъ и пользою? Какое другое заведеніе пріобрѣло столько общей довѣренности, чтобы частные люди повѣряли

ему драгоцѣнную собственность охотнѣе, нежели первымъ богачамъ въ Имперіи, и такимъ образомъ на цвѣтущемъ его состояніи утверждали свой достатокъ?

Симъ великимъ учрежденіемъ Монархиня открыла истинному человѣколюбію и патріотизму самый лучшій способъ дѣйствія. Естьли вы, любимые сыны щастія, хотите доказать Провидѣнію свою признательность за дары Его; естьли чувствительное сердце ваше имѣетъ нужду излиться въ благотвореніяхъ: то не на стогнахъ ищите предмета для оныхъ: тамъ не рѣдко вредная праздность одѣвается рубищемъ бѣдности, чтобы обмануть жалость и сострадание; но спѣшите въ сей храмъ добродѣтели, принесите ей чистыя жертвы удѣленіемъ вашего избытка; ибо ЕКАТЕРИНА позволила вамъ благотворить вмѣстѣ съ Нею; — тамъ каждый даръ вашъ процвѣтетъ и украсится

сторичнымъ плодомъ для святой пользы человѣчества. —

Монархиня, увѣренная, что благонравіе нѣжнаго пола въ вышшемъ состояніи имѣетъ сильное вліяніе на государственное благонравіе, основала, подъ собственнымъ Ея надзираніемъ, Домъ воспитанія для двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, чтобы сдѣлать ихъ образцемъ женскихъ достоинствъ. Уставъ сей и цѣлію и средствами своими заслужилъ искреннюю похвалу, искреннее удивленіе первыхъ умовъ въ Европѣ. Тамъ любовь и кротость должны ласкою образовать юное сердце для всѣхъ женскихъ добродѣтелей; тамъ чувствительность и нѣжность, обращенныя въ пріятную науку, расцвѣтаютъ въ душѣ отъ примѣровъ и наставленій. Нравственность есть главный предметъ; но и разумъ обогащается всѣми знаніями, всѣми идеями, нужными для того лю-

безнаго существа, которое должно быть прелестію свѣта, сокровищемъ супруга и первымъ наставникомъ дѣтей. Пріятныя женскія рукодѣлья, которыя украшаютъ жизнь хозяйки — искуства Грацій, которыя милую природу и совершенства ея дѣлаютъ еще милѣе — входятъ также въ систему воспитанія. ЕКАТЕРИНА любила посѣщать сей прекрасный цвѣтникъ, Ею насажденный; любила смотрѣть на веселыхъ питомицъ, которыя, оставляя игры свои, спѣшили къ Ней на встрѣчу, окружали Ее радостными, шумными толпами, цѣловали Ея руки, одежду; единогласно называли матерью, и своею безпечною рѣзвостію въ присутствіи Монархини доказывали, что онѣ только любили, а не боялись Ее! Она знала имена, самые характеры ихъ; награждала добрые успѣхи Своимъ благоволеніемъ, ласковыми взорами и похвалами; однимъ словомъ: Она казалась

истинною матерію сего многочисленнаго, цвѣтущаго семейства. Всякой пріѣздъ Ея былъ щастливымъ торжествомъ для всего Дома. — Доставляя юнымъ дѣвицамъ невинныя, достойныя ихъ забавы, Монархиня желала, чтобы онѣ представляли иногда нравоучителвныя драмы: славный Расинъ писалъ для Сенъ-Сира; еще славнѣйшій Геній Ферненской (*) хотѣлъ перомъ своимъ способствовать полезнымъ удовольствіямъ воспитанницъ ЕКАТЕРИНЫ, Которая, занимая величіемъ Своимъ театръ міра, съ веселіемъ занималасв театромъ любезнаго дѣтства — и минуты, проведенныя Ею въ Воскресенскомъ монастырѣ, были конечно не потерянными для щастія минутами Ея царствованія. Она предчувствовала мирное благополучіе семействъ, которое долженствовало

(*) См. переписку ЕКАТЕРИНЫ съ Волтеромъ.

быть плодомъ сего учрежденія — и не обманулась. Какое-то невинное добродушіе, милая искренность, благонравіе, сверхъ знаній и талантовъ, бываютъ особеннымъ характеромъ Монастырскихъ воспитанницъ. — Монархиня основала также и для мѣщанскаго состоянія училище, котораго питомицы приготовляются быть хорошими, добронравными хозяйками, искусными въ рукодѣльяхъ, и на всю жизнь остаются подъ особенною защитою Опекунскаго Совѣта (*).

Академія Художествъ существовала въ Россіи едва ли не од-

(*) Не рѣдко самыя лучшія учрежденія, не будучи уже одушевляемы дѣятельнымъ надзираніемъ перваго творца ихъ, мало по малу теряютъ свою пользу; но Сиротской Домъ и *Воскресенское Училище дѣвицъ* имѣли щастіе найти новую Покровительницу въ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВѢ Вдовствующей ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, Которая оживляетъ ихъ Своимъ попеченіемъ.

нимъ именемъ; ЕКАТЕРИНА даровала ей истинное бытіе, законы и права, взявъ ее подъ личное Свое покровительство, въ совершенной независимости отъ всѣхъ другихъ властей; основала при ней воспитательное Училище; ободряла таланты юныхъ художниковъ; посылала ихъ въ отчизну Искусства, вникать въ красоты его среди величественныхъ остатковъ древности, тамъ, гдѣ самый воздухъ вливаетъ, кажется, въ грудь *чувство изящнаго*, ибо оно есть чувство народное; гдѣ Рафаель, ученикъ Древнихъ, превзошелъ своихъ учителей, и гдѣ Микель Анджело *одинъ* сравнялся съ ними во *всѣхъ* Искусствахъ. Тамъ питомцы Россійскаго Художества обогащались мыслями, и кисть и рѣзецъ и взоръ свой образовали по великимъ твореніямъ Генія. Сказавъ: *и мы, и мы художники*! они творили — и первыя въ Европѣ Академіи хотѣли имѣть ихъ своими Членами. —

Съ того времени похвальный вкусъ къ художествамъ распространился въ Россіи; съ того времени столицы наши гордятся великолѣпными зданіями собственныхъ Архитекторовъ, красоты живописи и ваянія расцвѣли въ нашемъ климатѣ, и Россіянинъ, не выѣзжавъ изъ отечества, можетъ говорить объ Искусствѣ. — Права, данныя Академіи, служатъ величайшею почестію, какую только Государь можетъ оказать дарованіямъ: всякой питомецъ ея есть навѣки свободный человѣкъ со всѣмъ его родомъ, подсудимъ ей одной, или по крайней мѣрѣ безъ ея вѣдѣнія не судится другою властію; воленъ жить независимо своимъ талантомъ; воленъ избрать всякую службу, но ни къ какой не принуждается. Симъ важнымъ правомъ ЕКАТЕРИНА почтила въ Россіи и художества и свободу!

Кадетскій Корпусъ, учрежденный Императрицею Анною, производилъ хорошихъ Офицеровъ, и даже Военачальниковъ; ко славѣ его должно вспомнить, что Румянцевъ былъ въ немъ воспитанъ. Но сіе учрежденіе клонилось уже къ своему паденію, когда ЕКАТЕРИНА обратила на оное творческій взоръ Свой — умножила число питомцевъ, надзирателей; предписала новые для нихъ законы, сообразные съ человѣколюбіемъ, достойные Ея мудрости и времени. Военная строгость, которая доходила тамъ не рѣдко до самой крайности, обратилась въ прилѣжное, но кроткое надзираніе, и юныя сердца, прежде ожесточаемыя грозными наказаніями, исправлялись отъ легкихъ пороковъ гласомъ убѣдительнаго наставленія. Прежде Нѣмецкой языкъ, Математика и военное Искусство были почти единственнымъ предметомъ науки ихъ: ЕКАТЕРИНА прибавила какъ дру-

тіе языки (особливожъ совершенное знаніе Россійскаго), такъ и всѣ необходимыя для государственнаго просвѣщенія науки, которыя, смягчая сердце, умножая понятія человѣка, нужны и для самаго благовоспитаннаго Офицера; ибо мы живемъ уже не въ тѣ мрачныя, варварскія времена, когда отъ воина требовалось только искусства убивать людей; когда видъ свирѣпый, голосъ грозный и дикая наружность считались нѣкоторою принадлежностію сего состоянія. Уже давно первыя Европейскія Державы славятся такими Офицерами, которые служатъ единственно изъ благороднаго честолюбія, любятъ побѣду, а не кровопролитіе; повелѣваютъ, а не тиранствуютъ; храбры въ огнѣ сраженія, и пріятны въ обществѣ; полезны отечеству шпагою, но могутъ быть ему полезны и умомъ своимъ. Такихъ хотѣла имѣть Монархиня, и Корпусъ сдѣлался ихъ учи-

лищемъ. Привыкая ко всѣмъ воинскимъ упражненіямъ, они въ тоже самое время слушаютъ и наставленія Морали, которая доказываетъ имъ необходимость гражданскаго порядка и законовъ; исполняя всегда справедливую волю благоразумныхъ Начальниковъ, сами пріобрѣтаютъ нужныя для добраго Начальника свойства; переводя Записки Юлія Цесаря, Монтекукулли, или Фридриха, переводятъ они и лучшія мѣста изъ Расиновыхъ трагедій, которыя развиваютъ въ душѣ чувствительность; читая Исторію войны, читаютъ Исторію и государствъ и человѣка; восхищаясь славою Тюрена, восхищаются и добродѣтелію Сократа; привыкаютъ ко грому страшныхъ орудій смерти, и плѣняются гармоніею нѣжнѣйшаго Искусства; узнаютъ и быстрые воинскіе марши и живописную игру тѣлодвиженій, которая, выражая дѣйствіе музыки, образуетъ пріятную

наружность человѣка. Простая, здравая пища, мѣра трудовъ и отдыха, раздѣленіе часовъ на разныя упражненія, соотвѣтственныя каждому особенному возрасту, были предписаны ЕКАТЕРИНОЮ по лучшей физической и моральной системѣ воспитанія, не Аѳинскаго, не Спартанскаго, но самаго пристойнѣйшаго для юнаго Россійскаго Дворянства въ вѣки Европейскаго просвѣщенія. — Питомцы выходятъ исправными, знающими Офицерами, способными и для гражданскихъ должностей, пріятными людьми для свѣта, съ характеромъ и съ моральными правилами, имѣющими щастливое вліяніе на всю жизнь ихъ.

ЕКАТЕРИНА съ прискорбіемъ видѣла, что образованіе благородныхъ дѣтей въ Россіи поручается родителями иностранцамъ, которые всего менѣе къ тому способны, не зная нашихъ

нравовъ, духа народнаго; и кото-рые, не имѣя къ отечеству нашему сыновней любви, не могутъ вселять ее и въ юныхъ учениковъ своихъ. Она повелѣла воспитывать, вмѣстѣ съ Кадетами, и нѣсколько мѣщанскихъ дѣтей, желая, чтобы они могли со временемъ посвятить себя званію учителей, и замѣнить иностранцевъ. Уже многіе изъ нихъ, исполняя намѣреніе Монархини, въ сей почтенной должности заслужили благодарность родителей и самаго отечества.

Здѣсь справедливая народная признательность требуетъ наименовать того мужа, котораго главною страстію было способствовать успѣхамъ воспитанія въ Россіи, и который служилъ ЕКАТЕРИНѢ первымъ орудіемъ для исполненія Ея благотворныхъ въ семъ великомъ дѣлѣ намѣреній. Бецкій жилъ и дышалъ добродѣтелію, не блестящею и громкою;

которая изумляетъ людей, но тихою и медленно-награждаемою общимъ уваженіемъ; рѣдкою: ибо люди стремятся болѣе къ блестящему, нежели къ основательному; и мужественною: ибо она не страшится никакихъ трудовъ. Онъ довольствовался славою быть помощникомъ ЕКАТЕРИНЫ, радовался своими трудами; и будучи строгимъ наблюдателемъ порядка, безпрестанно взыскивая и требуя, сей другъ человѣчества умѣлъ заслужить любовь и надзирателей и питомцевъ: ибо требовалъ только должнаго и справедливаго. Герой, искусный Министръ, мудрый Судія, есть конечно украшеніе и честь государства; но благодѣтель юности не менѣе ихъ достоинъ жить въ памяти благодарныхъ гражданъ.

Корпусы Морской и Артиллерійской (*) обязаны ЕКАТЕРИНѢ нынѣшнимъ своимъ цвѣтущимъ

(*) Онъ прежде назывался Школою.

состояніемЪ. Первый образовалЪ многихЪ искусныхЪ ОфицеровЪ, которыхЪ и самые гордые Англичане уважаютЪ. Чтобы сообщить лучшимЪ питомцамЪ его совершенную опытность, знаніе морей и всѣхЪ чрезвычайныхЪ феноменовЪ сей величественной стихіи, Монархиня посылала ихЪ вЪ отдаленности Океана, вЪ другія части міра, и молодые Офицеры Россійскіе имѣли славу повелѣвать старыми мореходцами Альбіона (*). — КорпусЪ Артиллерійской производитЪ лучшихЪ ИнженеровЪ для нашихЪ армій.

Греческое Училище, основанное для юныхЪ потомковЪ древнѣйшей Республики, которыхЪ отцы вѣчное изгнаніе предпочли вѣчному страху и рабству подЪ желѣзнымЪ скипетромЪ ОттоманскимЪ, пребудетЪ также памятникомЪ ЕКА-

(*) См. УказЪ 62 году о КорпусахЪ — Многіе наши Офицеры, какЪ извѣстно, служили на АнглійскихЪ корабляхЪ.

ТЕРИНИНОЙ благодѣтельности. Тѣ, которые въ нещастномъ отечествѣ своемъ не узнали бы, можетъ быть, никогда славной его Исторіи, великихъ именъ ея, и самаго древняго языка ихъ, научаются во глубинѣ сѣвера гордиться своимъ происхожденіемъ. Во градѣ Святаго Петра воскресають для нихъ священныя тѣни Героевъ и мудрецовъ Греческихъ; во градѣ Святаго Петра юныя сердца ихъ бьются при имени Термопилъ и Маратона; во градѣ Святаго Петра они бесѣдуютъ съ Платономъ и Ксенофонтомъ; воображая древнюю славу Греціи, стремятся душею къ святымъ мѣстамъ ея; воображая настоящее униженіе страны ихъ, радуются пребыванію своему въ странѣ великихъ дѣлъ и Героевъ. Они не чужды въ Россіи — они *дома* — они въ отечествѣ славы (*)!

(*) Еще учреждены Монархинею Горное, Лекарское и Судоходное Училища.

Такимъ образомъ Монархиня благотворила юности и человѣчеству въ своей Имперіи, вѣдая, что самые мудрые законы безъ добрыхъ нравовъ не сдѣлаютъ государства щасливымъ, и что нравы должны быть впечатлѣваемы на зарѣ жизни. Учреждая общественное воспитаніе, и полагая святую Мораль главнымъ его основаніемъ, Она торжественно объявила всѣмъ родителямъ Свое желаніе, чтобы они въ самомъ домашнемъ воспитаніи сообразовались съ правилами, Ею обнародованными (*). Одна истинная Мать народа, повторяю, могла имѣть столько попеченія о благѣ дѣтей въ государствѣ.

. . . .

Мать народа . . . конечно! . . Сердцу моему пріятно напомнить вамъ, о сограждане! еще трогательное доказательство сихъ нѣжныхъ чувствъ ЕКАТЕРИНЫ.

(*) См. главу о воспитаніи въ Наказѣ.

Она съ самаго Своего вступленія на престолъ пеклась о физическомъ благосостояніи Россіи; установила Медицинскую Коллегію, и предписала ей (*) не только снабдить государство искусными врачами, но и собирать всѣ мѣстныя свѣдѣнія о болѣзняхъ народныхъ, о ихъ причинахъ; искать лекарствъ простѣйшихъ на всякую болѣзнь, особливо для земледѣльцевъ; изслѣдовать врачебную силу травъ Россійскихъ, и всякое полезное открытіе немедленно обнародывать для общаго блага. Сего не довольно: ужасный, неизъяснимый ядъ въ крови, съ которымъ родятся младенцы, обнаруживаясь въ своей жестокости, похищалъ въ Россіи едва ли не большую часть дѣтей, и на самыхъ спасенныхъ рокомъ оставлялъ страшные знаки своей свирѣпости и безобразія. Уже извѣстно было въ Европѣ средство

(*) Прежде была Медицинская Канцелярія.

избавленія; но Россія не пользовалась симЪ благодѣтельнымЪ открытіемЪ, страшась новости, неизвѣданной очевиднымЪ опытомЪ. Что одна мать можетЪ сдѣлать для своего обожаемаго младенца, то ЕКАТЕРИНА сдѣлала для СвоихЪ подданныхЪ: Она привила Себѣ оспу! . . О слава человѣколюбія! день незабвенный для родителей, обязанныхЪ ему спасеніемЪ дѣтей и милою ихЪ красотою! Благодарная Россія по справедливости его торжествовала — и чувствительный отецЪ семейства никогда торжествовать не престанетЪ. ОнЪ украситЪ розами дѣтей своихЪ, и поведетЪ ихЪ вЪ священный храмЪ молить за ЕКАТЕРИНУ. Она собственнымЪ опытомЪ заставила насЪ прибѣгнуть кЪ щастливому средству, и сЪ того времени мы не боимся ужаснѣйшей эпохи вЪ физическомЪ бытіи нашемЪ.

Еще Монархиня не ограничила системы государственнаго просвѣщенія заведенными Ею воспитательными обществами, какъ для благороднаго, такъ и для мѣщанскаго состоянія. Лучи солнечные теряютъ силу свою въ неизмѣримыхъ пространствахъ; столица, отъ нѣкоторыхъ частей Имперіи столь отдаленная, едвали могла на нихъ дѣйствовать. ЕКАТЕРИНА учредила вездѣ — въ малѣйшихъ городахъ, и въ глубинѣ Сибири — *Народныя училища*, чтобы разлить, такъ сказать, богатство свѣта по всему государству. Особенная Коммисія, изъ знающихъ людей составленная, должна была устроить ихъ, предписать способы ученія, издавать полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія человѣку свѣдѣнія, которыя возбуждаютъ охоту къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, служатъ ему ступенію къ вышшимъ знаніямъ, и сами собою достаточны уже

для гражданской жизни народа, выходящаго изъ мрака невѣжества. Сіи Школы, образуя учениковъ, могутъ образовать и самыхъ учителей, и такимъ образомъ быть всегдашнимъ и время отъ времени обильнѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. Онѣ могутъ — и должны быть полезнѣе всѣхъ Академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы націи; и смиренный народный учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы, ариѳметическія числа, и разсказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи Исторіи, или, развертывая моральный катихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно человѣку быть добрымъ, въ глазахъ Философа почтенъ не менѣе Метафизика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе самымъ ученымъ едва вразумительно; или мудраго Натуралиста, Физіолога, Астронома, занимающихъ своею наукою только

нѣкоторую часть людей. Есть-ли въ городахъ, едва возникающихъ, въ семъ новомъ твореніи ЕКАТЕРИНЫ, еще не представлялось глазамъ ни палатъ огромныхъ, ни храмовъ великолѣпныхъ: то въ замѣну сихъ, иногда обманчивыхъ свидѣтельствъ народнаго богатства, взоръ Патріота читалъ на смиренныхъ домикахъ любезную надпись: *Народное Училище* — и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ Монархинею среди Ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго царствованія, тотъ любилъ и восхвалялъ Просвѣтительницу отечества, видя и слыша, въ стѣнахъ мирной хижины, юнаго ученика градской школы, окруженнаго внимающимъ ему семействомъ, и съ благородною гордостію толкующаго своимъ родителямъ нѣкоторыя простыя, но любопытныя истины, свѣданныя имъ въ тотъ день отъ своего учителя.

Литтература, сей главный органъ Генія и чувствительности; сія, можно сказать, посланница Неба, которая разноситъ изъ страны въ страну великія и полезныя идеи, соединяетъ умы и сердца, производитъ и питаетъ нѣжную потребность души: заниматься изящными мыслями; наслаждаться твореніемъ стройнаго воображенія, изліяніемъ сердца — Литтература была предметомъ особеннаго благоволенія и покровительства ЕКАТЕРИНЫ; ибо Она знала ея сильное вліяніе на образованіе народа и на щастіе жизни. Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное отличіе — и славная Россіяда въ Ея время украсила нашу Поэзію. Державинъ въ Рускихъ стихахъ оживилъ Горація, и представилъ новыя, сильныя черты піитической живописи. Богдановичь своими цвѣтами осыпалъ Лафонтенову сказку, и въ легкомь слогѣ игралъ воображеніемъ. Многіе другіе

Стихотворцы явились — и ЕКАТЕРИНА, дерзну сказать, была для нихъ Музою; душа ихъ пылала Ея славою, и хваля Премудрую, они не боялись казаться льстецами! Сама Она, великими дѣлами обремененная Монархиня, въ рѣдкіе часы досуга любила перомъ Своимъ способствовать успѣхамъ нашей Словесности. Европѣ извѣстно, что ЕКАТЕРИНА, плывя по величественной Волгѣ, въ то самое время, когда сильная буря устрашала всѣхъ бывшихъ съ Нею, спокойно переводила Велисарія, къ безсмертной славѣ Мармонтеля! — Она указывала Рускимъ Авторамъ новые предметы, вредные пороки общества, которые должно осмѣивать Таліи, — черты характера народнаго, которыя требуютъ кисти таланта; писала, для юныхъ Отраслей Августѣйшаго Дому Своего, нравоучительныя повѣсти; но всего болѣе, чувствуя важность отечественной Исторіи (и предчувствуя,

что сія Исторія должна нѣкогда украситься и возвеличиться Ею!) занималась Россійскими лѣтописями; изъясняла ихъ, соединяя предложеніе дѣйствій съ философскими мыслями; и драгоцѣнные труды Свои для Публики издавала. Желая присвоить Россіи лучшія творенія древней и новой чужестранной Литтературы, Она учредила Коммисію для переводовъ, опредѣлила награду для трудящихся — и скоро почти всѣ славнѣйшіе въ мірѣ Авторы вышли на языкѣ нашемъ, обогатили его новыми выраженіями, оборотами, а умъ Россіянъ новыми понятіями. Чтобы утвердить Руской языкъ на правилахъ и привести въ систему, Монархиня основала Академію Словесности, по примѣру Французской, и мы обязаны сему трудолюбивому Обществу Полнымъ Россійскимъ Словаремъ, нужнымъ для всякаго и необходимымъ для Авторовъ. Царствованіе Елисаветы произвело

Ломоносова и Соморокова: первый смѣло парилъ за орломъ Пиндаровымъ и бросалъ на бумагу сильныя, безсмертныя строфы; второй имѣлъ славу написать нѣсколько нѣжныхъ и остроумныхъ стиховъ. Но сіи два Поэта не образовали еще нашего слога: во время ЕКАТЕРИНЫ Россіяне начали выражать свои мысли ясно для ума, пріятно для слуха, и вкусъ сдѣлался общимъ: ибо Монархиня Сама имѣла его, и любила нашу Словесность; и естьли Она Своими ободреніями не произвела еще болѣе талантовъ, виною тому независимость Генія, который одинъ не повинуется даже и Монархамъ, дикъ въ своемъ величіи, упрямъ въ своихъ явленіяхъ, и часто самыя неблагопріятныя для себя времена предпочитаетъ блестящему вѣку, когда мудрые Цари съ любовію призываютъ его для торжества и славы.

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы покровительствовать науки и талантъ въ Россіи, Она на всѣ страны міра, на всю область ума распространила Свои благодѣянія, и славу Свою возвышала, такъ сказать, славою всѣхъ отмѣнныхъ дарованій, Ею ободряемыхъ. Философы гордились благосклоннымъ воззрѣніемъ ЕКАТЕРИНЫ, и горѣли ревностію величать Ту, Которая воцарила съ Собою Философію, и тайныя желанія мудраго человѣколюбія обратила въ государственные уставы. Вольтеръ жалѣлъ, что старость не позволяла ему видѣть *сѣверную Владычицу сердецъ.* Пылкій Дидеротъ спѣшилъ лично изъявить Ей свое удивленіе. Плиній Франціи съ восторгомъ говорилъ, что одобрительное слово ЕКАТЕРИНЫ ему драгоцѣннѣе похвалъ Академическихъ (*). Даламберъ

(*) См. Сешелево путешествіе въ Монбаръ.

славился Ея милостію болѣе, нежели именемъ глубокомысленнаго Математика. Европа съ удивленіемъ читаетъ Ея переписку съ ними — и не имъ, но Ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаній! какое проницаніе! какая тонкость разума, чувства и выраженій! Та, Которая истощила Своимъ царствованіемъ всѣ похвалы міра, умѣла съ неподражаемою пріятностію хвалить цвѣты Словесности, игру остроумія, тонкую черту сердца. Сколь трогательно такое снисхожденіе въ Монархинѣ! Но *унижается* ли Монархъ, когда онъ сходитъ иногда съ высокаго трона, становится на ряду съ людьми, и будучи любимцемъ Судьбы, платитъ дань уваженія любимцамъ Природы, отличнымъ дарованіямъ? Власть разума не можетъ ли еще служить нѣкоторою опорою для политической власти? По крайней мѣрѣ она можетъ быть ея орудіемъ во всемъ, что касается

до блага человѣчества. Такъ думали Августъ, Лудовикъ XIV, Фридрихъ и Петръ Великій, который, приходя къ Боргаву, къ Лейбницу, говорилъ: *я съ вами человѣкъ* (*)! Такъ думала и Великая ЕКАТЕРИНА!

Въ Ея царствованіе Россійская Академія Наукъ еще болѣе пріобрѣла знаменитыхъ Членовъ, и сдѣлалась несравненно полезнѣе для отечества, вопервыхъ *ежемѣсячными сочиненіями*, которыя, будучи магазиномъ историческихъ и другихъ любопытныхъ свѣдѣній, распространяли ихъ въ государствѣ; вовторыхъ путешествіями ея Профессоровъ по всѣмъ обширнымъ странамъ Россіи: намѣреніе великое, достойное ЕКАТЕРИНЫ! исполненіе, достойное намѣренія! эпоха важная въ уче-

---

(*) Я читалъ переписку Лейбница съ Петромъ Великимъ. Ко славѣ того и другаго можно сказать, что они почитали другъ друга.

ной Исторіи нашего государства и цѣлаго міра! Сіи избранные мужи должны были отъ береговъ Невы до горъ Рифейскихъ, до морей Азовскаго, Каспійскаго и далѣе, видѣть и описать Россію въ трехъ царствахъ Природы, проникнуть во внутренность пустынь, во глубину пещеръ и лѣсовъ дремучихъ, гдѣ око наблюдателя еще никогда не примѣчало за творческою Натурою; гдѣ она искони дѣйствовала уединенно, или предъ свидѣтелями невнимательными; исчислить минералы въ нѣдрахъ земли, растѣнія на зеленыхъ коврахъ ея, животныхъ въ трехъ стихіяхъ; и такимъ образомъ собрать богатства для Россійской Естественной Исторіи. Симъ предметомъ еще не ограничились труды ихъ: Монархиня желала, чтобы они изслѣдовали всѣ историческіе монументы въ нашей Имперіи; замѣчали слѣды народовъ, которые отъ странъ Азіи преходили Рос-

сію, сами исчезли, но оставили знаки своего теченія, подобно рѣкамъ изсохшимъ; желала, чтобы они въ развалинахъ, среди остатковъ древности, какъ будто забытыхъ временемъ, искали откровеній прошедшаго; чтобы они въ нынѣшнихъ многочисленныхъ народахъ Россійскихъ узнавали ихъ неизвѣстныхъ предковъ, разбирая языки, происхожденіе и смѣсь оныхъ; чтобы они, наблюдая обычаи, нравы, понятія сихъ людей, сообщили Историку и Моралисту новыя свѣдѣнія, а Законодателю новыя средства благодѣянія. — Повелѣнія были исполнены, и не только Россія, но и вся Европа; не только Ученые, но и всѣ любопытные читаютъ съ удовольствіемъ и пользою драгоцѣнное описаніе сихъ путешествій.

Московскій Университетъ, подъ начальствомъ Шувалова (который всегда будетъ знаменитъ титломъ основателя его и Ломо-

носова Мецената) во время ЕКАТЕРИНЫ болѣе нежели прежде благотворилъ обществу: ибо щедрость Ея даровала ему болѣе способовъ дѣйствія. Многіе Ученые были имъ призваны изъ Германіи участвовать въ трудахъ его, наставлять юношество, питать въ немъ охоту къ наукамъ, и воспалять благородное соревнованіе въ Россійскихъ Профессорахъ. Но всего болѣе оживляла Московскій Университетъ извѣстная всѣмъ любовь ЕКАТЕРИНЫ къ наукамъ, побуждая родителей учить дѣтей своихъ. Число юныхъ питомцевъ его съ каждымъ годомъ умножалось, а съ числомъ ихъ возрастала благодѣтельность сего храма просвѣщенія. И естьли мы видимъ нынѣ столь многихъ достойныхъ Судей въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; естьли слогъ приказный уже не всегда устрашаетъ насъ своимъ варварствомъ; естьли необходимыя правила Логики и языка

соблюдаются не рѣдко въ опредѣленіяхъ судилищъ; естьли Министерство находитъ всегда довольно юношей, способныхъ быть его орудіями и служить отечеству во всѣхъ частяхъ своими знаніями: то государство обязано сего пользою Московскому Университету; Университетъ же обязанъ сею великою славою ЕКАТЕРИНѢ и Духу Ея царствованія.

Чтобы еще болѣе размножить народныя свѣдѣнія чрезъ книги, Она дозволила вольныя Типографіи, учредивъ благоразумную Ценсуру, необходимую въ гражданскихъ обществахъ: ибо разумъ можетъ уклоняться отъ истины, подобно какъ сердце отъ добродѣтели, и неограниченная свобода писать столь же безразсудна, какъ неограниченная свобода дѣйствовать. Но какъ мудрый Законодатель, избѣгая самой тѣни произвольнаго тиранства, запре-

щаетъ только явное зло, и многія сердечныя слабости предаетъ единому наказанію общаго суда или мнѣнія; такъ Монархиня запрещенію Ценсуры подвергла только явный развратъ въ важнѣйшихъ для гражданскаго благоденствія предметахъ, оставляя здравому разуму гражданъ отличать истины отъ заблужденій; то есть, Она сдѣлала ее не только благоразумною, но и снисходительною, и сею довѣренностію къ общему суду пріобрѣла новое право на благодарность народную.

И такъ чудно ли, что Россія, въ 34 года дѣятельнаго царствованія, котораго главною цѣлію было народное просвѣщеніе, столь преобразилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ, что отцы наши, естьли бы они теперь воскресли, не узнали бы ее? Естьли сердца Государей въ рукѣ Провидѣнія, то сердца народовъ въ рукѣ Государей: что могло устоять про-

шивъ неутомимаго въ благотвореніяхъ Правительства, которое дѣйствовало на Россію и славою внѣшнихъ успѣховъ, и мудрыми законами, и воспитаніемъ, и всѣми средствами просвѣщенія? Что могло не покориться всемогущей и благой волѣ, пылавшей тою огненною ревностію, которая бываетъ главнымъ свойствомъ великихъ душъ, истинныхъ подобій Божества? ЕКАТЕРИНА, возведенная Самимъ Небомъ на тронъ едва не безпредѣльной въ мірѣ Имперіи, не ужаснулась безпредѣльныхъ Своихъ обязанностей, священныхъ для добродѣтели, но почувствовала вдохновеніе геройскаго сердца, которому все возможнымъ кажется, ибо самъ Богъ помогаетъ ему. Чувство каждой должности раждало въ Ней стремленіе и силу исполнить ее — и Россія, Ей нѣкогда чуждая, ставъ театромъ Ея добродѣтелей, сдѣлалась для ЕКАТЕРИНЫ истиннымъ отечествомъ, нѣжно люби-

мымЪ: ибо отечество для душЪ великихЪ есть та страна, гдѣ онѣ могутЪ дѣйствовать; ихЪ ближніе суть тѣ люди, которыхЪ могутЪ онѣ творить щасшливыми. ЧѣмЪ болѣе Монархиня трудилась для Россіи, чѣмЪ болѣе осыпала ее добромЪ и славою, тѣмЪ болѣе Она любила вЪ ней предметЪ СвоихЪ благодѣяній; и каждое благодѣяніе было для насЪ залогомЪ новаго. Сограждане! я изЪясню теперь общее наше чувство: скажите, что великое и чудесное могло наконецЪ удивить насЪ вЪ дѣлахЪ ЕКАТЕРИНЫ? Не все ли вЪ рукахЪ Ея казалось намЪ легкимЪ, естественнымЪ, даже необходимымЪ? Пріученные кЪ Ея обыкновенной славѣ и добродѣтели, мы были уже, дерзну сказать, какЪ будто нечувствительны кЪ дѣламЪ Монархини; истощенная благодарность наша уподоблялась неблагодарности! Ваше сердце разумѣетЪ меня, о сограждане! я не порицаю, но хвалю вашу чув-

ствительность. Виноватъ ли смертный, естьли Небо, открывая для Монаршей добродѣтели поле безконечное, полагаетъ границу любви, признательности, самому удивленію; естьли, даруя Своимъ орудіямъ нѣкоторую часть правъ Своихъ, оставляетъ насъ, обыкновенныхъ людей, въ тѣсномъ кругу человѣчества?

Сія героическая ревность къ добру соединялась въ ЕКАТЕРИНѢ съ рѣдкимъ проницаніемъ, которое представляло Ей всякое дѣло, всякое начинаніе въ самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ; и потому Ея воля и рѣшеніе были всегда непоколебимы. Она знала Россію, какъ только одни чрезвычайные умы могутъ знать государство и народы; знала даже мѣру Своимъ благодѣяніямъ: ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ Политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ со-

стояніемЪ народа. Истина печальная, но опытомЪ доказанная! ТакЪ, самое пламенное желаніе ощасшливить народЪ можетЪ родить бѣдствія, естьли оно не слѣдуетЪ правиламЪ осторожнаго благоразумія. Сограждане! я напомню вамЪ Монарха, ревностнаго кЪ общему благу, дѣятельнаго, неутомимаго, который пылалЪ страстію человѣколюбія, хотѣлЪ уничтожить вдругЪ всѣ злоупотребленія, сдѣлать вдругЪ все добро, но который ни вЪ чемЪ не имѣлЪ успѣха, и при концѣ жизни своей видѣлЪ сЪ горестію, что онЪ государство свое не приближилЪ кЪ цѣли политическаго совершенства, а удалилЪ отЪ нее: ибо Преемнику, для возстановленія порядка, надлежало всѣ новости его уничтожить. Вы уже мысленно наименовали Іосифа — сего нещастнаго Государя, достойнаго по его благимЪ намѣреніямЪ лучшей доли! ОнЪ служитЪ тѣнію,

отъ которой мудрость ЕКАТЕРИНЫ тѣмъ лучезарнѣе сіяетъ. Онъ былъ нещастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ, Она во всемъ щастлива; онъ съ каждымъ шагомъ впередъ — отступалъ назадъ; Она безпрерывными шагами текла къ Своему великому предмету; писала уставы на мраморѣ, неизгладимыми буквами; творила во время, и потому для вѣчности — и потому никогда дѣлъ Своихъ не передѣлывала — и потому народъ Россійскій вѣрилъ необходимости Ея законовъ, непремѣнныхъ, подобно законамъ міра. Европа удивлялась *щастію* ЕКАТЕРИНЫ: Европа справедлива, ибо мудрость есть рѣдкое *щастіе*. Но кто думаетъ, что темный, неизъяснимый случай рѣшитъ судьбу государствъ, а не разумная или безразсудная система правленія: тотъ по крайней мѣрѣ не долженъ писать Исторіи народовъ. Нѣтъ,

нѣтъ! феноменъ Монархини, Которыя всѣ войны были завоеваніями и всѣ уставы щастіемъ Имперіи, изъясняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

Душа ЕКАТЕРИНЫ была тверда, мужественна, истинно геройская. Небо, какъ будто бы единственно для славы Ея, нѣсколько разъ помрачало тучами горизонтъ Россіи въ царствованіе великой Монархини, чтобы Она, презирая бури и громы, могла доказать народамъ крѣпость души Своей: такъ искусный мореходецъ еще болѣе славенъ опасностями, чрезъ которыя провелъ онъ корабль свой въ мирное пристанище. Сограждане! я дерзну напомнить вамъ то время, когда Россія, сражаясь съ сильнымъ внѣшнимъ непріятелемъ, видѣла язву, смерть, волненіе въ стѣнахъ древней столицы своей, и скоро послѣ

безумный, яростный бунтъ, который пламенною рѣкою разливался по обширнымъ странамъ ея; когда завистники ЕКАТЕРИНЫ, сильные Цари, радовались нашему бѣдствію, и грозили Ей новою войною . . . тогда, тогда надлежало видѣть славу мужественныхъ Ея добродѣтелей! Она вѣщаетъ Вождю Своего отдаленнаго воинства: *иди далѣе и побѣждай!* Она какъ солнце взираетъ съ трона на градъ столичный, и печальный мракъ его исчезаетъ; Она отвѣтствуетъ на угрозы Дворовъ: *Я отражу нападеніе!* И мы удивляемся Риму, который, видя у вратъ своихъ непріятеля, повелѣваетъ Консулу итти съ воинствомъ въ другую часть міра, или, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, съ презрѣніемъ слышитъ о новыхъ! . . Сограждане! я уже говорилъ о той минутѣ, когда Монархиня въ увеселительномъ Дворцѣ Своемъ спокойно исчисляла выстрѣлы

кораблей Шведскихъ, и когда главныя арміи наши были за отдаленными предѣлами отечества; Англія, Пруссія вооружались, хотѣли предписать намъ миръ: но ЕКАТЕРИНА непоколебимая даровала его Густаву, а Питтъ и Фридрихъ Вильгельмъ должны были смириться. — Сія-то рѣшительная твердость принудила всѣ Кабинеты зависѣть отъ нашей Монархини; и всѣ трактаты Ея съ Державами были славны для Россіи.

Но Великая въ Герояхъ сохранила на тронѣ нѣжную чувствительность Своего пола, которая вступалась за нещастныхъ, за самыхъ винныхъ; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала всѣ приговоры суда, и служила совершеннѣйшимъ образцемъ той высокой добродѣтели, которую могутъ имѣть одни Небеса и Государи: милосердія! О божественная

кротость сердца! украшая человѣчество во всякомъ состоянiи, ты торжествуешь на престолѣ! Каждое движенiе твое есть тамъ спасенiе людей, — и зрѣлище виновнаго, тобою сохраненнаго и помилованiемъ исправленнаго, есть прелестный рай твой, неизвѣстный душамъ жестокимъ! Ахъ! человѣческое правосудiе не можетъ быть истиннымъ правосудiемъ безъ милосердiя! Но ЕКАТЕРИНА чувствительная вѣдала ту черту, которая отдѣляетъ небесную добродѣтель отъ слабости; никогда не преступала ее, и Царскимъ долгомъ побѣждала нѣжность Своего сердца.

Спрашиваю у всѣхъ Россiянъ: было ли что нибудь оскорбительное для человѣческой гордости, что нибудь тягостное для самолюбiя въ чувствахъ нашего безпредѣльнаго къ Ней повиновенiя? Не казалось ли оно природнымъ влеченiемъ сердца, необходимо-

стію души, ея милою потребностію? Слѣдуя уставамъ Монархини, мы слѣдовали гласу Неба, и повинуясь, не знали принужденія. Она прелестными качествами души Своей украшала власть Державную. Благоговѣя предъ Обладательницею народовъ, сердца Россіянъ обожали ЕКАТЕРИНУ, и лучезарныя добродѣтели Монархини соединялись въ Ней съ плѣнительною любезностію человѣка. Чужеземцы! вы, которые изъ отдаленныхъ климатовъ пріѣзжали въ Россію единственно за тѣмъ, чтобы видѣть ЕКАТЕРИНУ! скажите, съ какимъ чувствомъ вы приближались къ Ней, когда Она, окруженная Своими Полководцами и Министрами, окруженная славою дѣлъ Своихъ, взирала на васъ съ величіемъ? Не представлялось ли вамъ, что вы зрите Монархиню міра и вашу собственную? Но вы, которые наслаждались неоцѣненнымъ щастіемъ видѣть и слы-

шать Ее, когда Она отЪ величія снисходила кЪ любезности, и какЪ будто бы преставая быть Монархинею, являлась только вЪ видѣ свѣтской пріятности, дружественной искренности, среди достойнѣйшихЪ людей Двора Ея, вЪ незабвенныхЪ для васЪ вечернихЪ собраніяхЪ, куда принужденіе входить не дерзало, гдѣ царствовала свобода вЪ разговорахЪ, гдѣ всякой для себя могЪ заниматься удовольствіями общества! вы сЪ удивленіемЪ и слезами говорите о сихЪ часахЪ, которые вамЪ казались минутами, и вЪ которые ласковыя слова Ея, простое милое обхожденіе, искренняя веселость и невинныя игры, Ея присутствіемЪ и самымЪ участіемЪ оживляемыя, заставляли васЪ позабывать Самодержицу, и восхищаться одною неизЪяснимою прелестію ума ЕКАТЕРИНЫ!

Сія трогательная, любезная мысль уступаетЪ мѣсто еще

безнѣйшей: Мать отечества была и самою нѣжнѣйшею матерію семейства. Какое воображеніе безъ сладкаго душевнаго чувства можетъ представить себѣ Монархиню, Которая, одною рукою подписывая судьбу государствъ, другою ласкаетъ цвѣтущія Отрасли ИМПЕРАТОРСКАГО Дому; Которая, прерывая нить великихъ политическихъ мыслей, оставляя на минуту заботы правленія, отдыхаетъ сердцемъ въ семейственныхъ радостяхъ, и, такъ сказать, дополняетъ ими щастіе добродѣтельной Монархини? Естьли обыкновенному уму трудно вообразить сіе неизъяснимое щастіе, то всякое чувствительное сердце представитъ себѣ душевное удовольствіе нѣжной Праматери, когда священное потомство Ея расцвѣтало предъ Нею; когда Она видѣла предъ Собою и совершенство Ангельской красоты и моральное совер-

шенство, и надежду любви Своей и надежду Россіи!

Но какая чудесная сила укрѣпляла ЕКАТЕРИНУ для безчисленныхъ предметовъ Ея дѣятельности, такъ, что Великая могла, занимаясь правленіемъ Имперіи, ежедневно заниматься и Августѣйшимъ Домомъ Своимъ; находить время для внѣшнихъ Министерскихъ, внутреннихъ государственныхъ и частныхъ судебныхъ дѣлъ, для Своей особенной переписки, ученыхъ трудовъ, для самыхъ женскихъ прелестныхъ рукодѣлій (ибо Она любила иногда напоминать себѣ милую простоту Пенелопина вѣка) — и наконецъ для пріятнаго отдохновенія въ избранномъ Своемъ обществѣ? Сія чудесная сила есть *духъ порядка*, благодѣтельный для всякаго, а въ добромъ Монархѣ щастіе народа. Каждый часъ представлялъ Ей особенное упражненіе, и сіе разнообразіе,

обновляя вниманіе души, служило для разума Ея нѣкоторымъ успокоеніемъ. Слѣдуя такой мудрой системѣ, Она успѣла затмить самыя дѣятельнѣйшія царствованія, извѣстныя намъ по Исторіи; дѣла *единой* Государыни могли бы прославить *многихъ* Государей.

И слава ЕКАТЕРИНЫ принадлежитъ Ей Самой. Генрихъ IV былъ Царь мудрый и благодѣтельный; но Сюлли стоитъ подлѣ него: Исторія освѣщаетъ ихъ однимъ лучемъ славы. Лудовикъ XIV гремѣлъ въ Европѣ, возвеличилъ Францію; но Кольберъ, первый Министръ въ мірѣ, былъ его Министромъ! ЕКАТЕРИНА, Законодательница и Монархиня, подобно Петру, образовала людей — но сіи люди жили и дѣйствовали Ея душею, Ея вдохновеніемъ; сіяли заимствованнымъ отъ Нее свѣтомъ, какъ планеты сіяютъ отъ солнца;

Она отличала нѣкоторыхъ, и сіе отличіе было мѣрою ихъ важности. Такимъ образомъ видѣли мы при ЕКАТЕРИНѢ возвышеніе человѣка, котораго моральное и патріотическое достоинство служитъ еще предметомъ споровъ въ Россіи. Онъ былъ знатенъ и силенъ: слѣдственно не многіе могутъ судить о немъ безпристрастно; зависть и неблагодарность суть два главные порока человѣческаго сердца. Но то неоспоримо, что Потемкинъ имѣлъ умъ острый, проницательный; разумѣлъ великія намѣренія ЕКАТЕРИНЫ, и потому заслуживалъ Ея довѣренность. Еще неоспоримѣе то, что онъ не имѣлъ никакого рѣшительнаго вліянія на Политику, внутреннее образованіе и законодательство Россіи, которыя были единственно твореніемъ безсмертнаго ума ЕКАТЕРИНЫ. Ея Министры исполняли только волю Ея — и Россія имѣла щастіе быть упра-

вляемою однимЪ великимЪ Геніемъ во все долговременное царствованіе ЕКАТЕРИНЫ.

Но щастіе можетЪ ли казаться долговременнымЪ?... О сограждане! Небо проститЪ намЪ несправедливость нашу, когда мы, пораженные ударомЪ, забыли непремѣнные уставы Природы; забыли, что Великая успѣла осыпать насЪ благодѣяніями на теченіе вѣковЪ, и дерзали обвинять Провидѣніе, что Оно толь скоро лишило наше отечество Матери, и толь внезапно: ибо ЕКАТЕРИНА *не умирая*, не приготовивЪ насЪ страхомЪ кЪ сему нещастію, вЪ одно мгновеніе сокрылась духомЪ отЪ земли и Россіи! Обольщенные безсмертіемЪ дѣлЪ Ея, мы думали, что и Сама Она безсмертна; думали, что Та, Которая украсила вечерЪ жизни отцевЪ нашихЪ, должна была царствовать и для благоденствія нашихЪ дѣтей! Она

оставила намъ премудрые законы Свои, источникъ блаженства и просвѣщенія для самыхъ отдаленныхъ потомковъ; но намъ казалось, что съ Нею мы всего лишились; что Она вся во гробѣ, и съ нашимъ щастіемъ, дѣломъ рукъ Ея! Не тѣ одни были неутѣшны, которые наслаждались лицезрѣніемъ Великія, внимали плѣнительнымъ словамъ Премудрыя, окружали тронъ Ея; нѣтъ, вся Россія проливала горестныя слезы: ибо Она не для любимцевъ, а для Россіи царствовала; не только нѣкоторымъ, но всѣмъ благотворила — и слезы чувствительныхъ сердецъ текли Ей въ жертву съ равнымъ жаромъ въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ государства. О Монархи міра! ЕКАТЕРИНА и жизнію и смертію Своею служила вамъ примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ! и видя, съ какимъ умиленіемъ, съ какою трогательною любовію

донынѣ говорятъ Россіяне о Великой, будьте увѣрены, что народы чувствительны и благодарны противъ Царей добродѣтельныхъ, и что память ваша, естьли вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ вовѣкъ священною. И самаго недостойнаго Государя хвалятъ, когда онъ держитъ въ рукѣ скипетръ: ибо его боятся, или гнусные льстецы хотятъ награды; но когда сей скипетръ изъ руки выпадаетъ, когда Монархъ платитъ дань общему року смертныхъ: тогда, тогда внимайте гласу Истины, которая, повелѣвая умолкнуть страстямъ, надеждѣ и страху, оперши сь рукою на гробъ Царя, произноситъ свое рѣшеніе, и вѣки повторяютъ его! Не въ чертогахъ Царскихъ обнаруживается чувство народное: о всякомъ Монархѣ кто нибудь изъ царедворцевъ искренно проливаетъ слезы; нѣтъ, оно явно только на стогнахъ града, въ тихомъ жилищѣ семействъ, отъ

Двора удаленныхъ, и въ хижинѣ мирнаго трудолюбія: естьли въ нихъ сердечная признательность не оплакиваетъ смерти Государя, то онъ не царствовалъ для народнаго щастія!

Сограждане! какимъ торжествомъ для добродѣтелей Монархини и для вашей святой благодарности были первыя слова юнаго Самодержца, Который, восходя на престолъ Россіи, и желая объявить волю Свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только: *Я буду царствовать по сердцу и законамъ* ЕКАТЕРИНЫ *Великой*!.. ВЕЛИКОЙ! повторила вся Россія. — Симъ обѣтомъ Онъ почтилъ и память Ея, и вашу признательную къ Ней любовь; вы разумѣли Его — и утѣшились!

Но благотворенія новыя не охлаждаютъ въ сердцѣ нашемъ признательности къ дѣламъ ЕКАТЕРИНЫ; мы воспоминаемъ ихъ съ любовію, читаемъ мудрые

законы Ея съ удивленіемъ, и въ восторгѣ чувствительности взираемъ на небо, гдѣ ово смертнаго ищетъ всегда безсмертныхъ.... Намъ кажется, что священный Духъ Монархини, въ образѣ Генія хранителя Россіи, и тамъ непрестаетъ заниматься нашимъ отечествомъ; намъ кажется, что мы внимаемъ небесному гласу ЕКАТЕРИНЫ:

„О Россіяне! вы, которые были „столь любезны Моему сер„дцу; которыхъ щастіе было Мо„имъ щастіемъ; на которыхъ взи„рала Я съ радостію Матери, „видящей благоденствіе дѣтей „своихъ! естьли Я обогатила Рос„сію новыми предѣлами и наро„дами, украсила чело ваше паль„мою побѣды, гремѣла въ трехъ „частяхъ міра и славилась вами: „то слава Моя была Мнѣ залогомъ „вашей силы и безопасности; же„лая, чтобы міръ васъ страшил„ся, Я хотѣла единственно того,

„чтобы вы не могли никого стра-
„шиться. Естьли Мои законы
„ограничиваютъ природную воль-
„ность человѣка, то будьте увѣ-
„рены, что Я пожертвовала ча-
„стію свободы только единой цѣ-
„лости гражданскаго порядка, и
„предпочла независимости вашей
„одно ваше благополучіе; не даро-
„вала вамъ тѣхъ однихъ правъ,
„которыя могли быть для васъ
„вредными. Я просвѣщала васъ,
„Россіяне! слѣдственно не хотѣ-
„ла угнетать человѣчества. И
„естьли Мое царствованіе не воз-
„вело еще Россіи на высочайшую
„степень народнаго блаженства:
„то помните, что власть Госу-
„даря не есть всемогущество Не-
„бесное, Котораго воля есть уже
„совершеніе; помните, что Им-
„періи цвѣтутъ вѣками, и что
„Провидѣніе требуетъ отъ Ца-
„рей только возможнаго блага.
„Но Я указала вамъ великую цѣль:
„теките къ ней осѣненные Мои-
„ми лаврами, путеводимые Моими

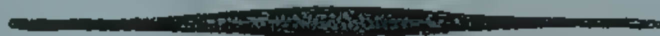
„законами! И когда всѣ народы „земли будутъ завидовать вашей „долѣ; когда имя Россіянина бу„детъ именемъ щастливѣйшаго „гражданина въ мірѣ: тогда испол„нятся тайные обѣты Моего „сердца; тогда вы узнаете, что „Я хотѣла, но чего не могла сдѣ„лать; и признательность ваша „почтитъ равно и дѣла Мои и „Мою волю: единая награда, къ „которой добрые Монархи могутъ „быть чувствительны и по смер„ти своей!“

И я клянусь именемъ вашимъ, о сограждане! именемъ всего нашего потомства, что память ЕКАТЕРИНЫ Великой будетъ во вѣки вѣковъ благословляема въ Россіи.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Читай.
164	8	сего	сею
177	1	безнѣйшей	любезнѣйшей

2p

θ θ0

